

Как быть
духовным
в недуховном
мире

Ким Майклс

Ким Майклс

Как быть духовным в недуховном мире

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69717595

SelfPub; 2023

Аннотация

Миллионы людей видят себя духовными, но не религиозными людьми. И у них есть очень специфические потребности, которые большинство обществ либо игнорируют, либо даже подавляют и высмеивают. В этой книге один из таких людей описывает свои глубокие осознания относительно того, как он рос в обществе, которое претендовало на то, чтобы быть свободной демократией, но по-прежнему не проявляло терпимости к тем, кто не соответствует стандартам христиан или материалистов. Вы узнаете: Что мы за существа на самом деле и как мы функционируем Почему в современных демократиях наблюдается рост числа психических заболеваний Почему нам нужно перейти от сосредоточения внимания на материальном благополучии к психологическому благополучию Почему мы не можем говорить о жизни, смерти, Боге и Иисусе Почему наши общества не могут объяснить зло или остановить его Психологические механизмы, которые ограничивают всех

людей, и как мы можем от них освободиться и обрести душевный
покой

Содержание

Введение: взросление в самой развитой цивилизации	5
1 Что же мы за существа?	14
2 Современные общества и психические заболевания	37
3 Можем ли мы меняться?	62
4 Почему мы все не можем поладить?	75
5 Менять мир или меняться самому?	98
6 Как нам узнать, что является реальным?	112
7 Существует лишь одна истина?	133
8 Дилемма человеческого понимания	155
Конец ознакомительного фрагмента.	158

Ким Майклс

Как быть духовным в недуховном мире

Введение: взросление в самой развитой цивилизации

Это моя личная, субъективная история о том, как я ощущал себя духовным человеком, выросшим в недуховном обществе. Когда я рос, мне много раз говорили, что я живу в самой развитой и передовой цивилизации, когда-либо виденной на этой маленькой голубой планете. Подразумевалось, что благодаря нашей передовой науке и технологии (мы послали человека на Луну) моё общество сможет ответить на все вопросы о жизни и вскоре решит большинство наших проблем. Я не был ещё взрослым, когда начал понимать, что это просто неправда. У меня были вопросы, на которые общество не могло ответить, и я видел так много вещей, которые, как я знал, не могли иметь места в действительно передовом обществе. Моё детство было похоже на шоковую терапию, я испытывал одно шоковое осознание за другим и

иногда всерьёз задавался вопросом, на какой планете я нахожусь.

Поворотный момент в моём детстве наступил в школьные годы, когда я узнал, что 500 лет назад люди верили в то, что Земля плоская. В это верили не только необразованные люди, но даже лидеры общества. Учитель преподносил это так, как будто люди были примитивными, но в то же время сообразительными, раз они поняли, что Земля круглая. Моя спонтанная реакция на это была: «Но как люди будут смотреть на нас через 500 лет?» Для меня было совершенно очевидно, что прогресс будет продолжаться, и что через 500 лет люди будут знать гораздо больше, чем мы знаем сегодня. Я не сомневался, что они оглянутся на нас и подумают, что мы были примитивными, потому что верили во многие вещи и думали, что это абсолютная истина, но которые они видели бы как иллюзии.

Общество не могло удовлетворить мою самую важную потребность

Несмотря на смелые заявления, которые я слышал снова и снова, я чувствовал, что моё общество не могло удовлетворить то, что было моей самой важной потребностью. У меня была очень сильная потребность найти ответы на свои вопросы о жизни, но никто из людей вокруг меня (от моих

родителей и семьи до моих учителей в школе и до предположительно самых умных людей общества) не мог ответить на эти вопросы так, чтобы удовлетворить мою потребность в знании. Хуже того, не было никого, с кем я мог бы открыто и свободно поговорить о более глубоких вопросах жизни.

В очень раннем возрасте мне стало ясно, что никто из взрослых, которых я знал, не мог говорить о фундаментальных вопросах жизни, главным образом потому, что они сами не нашли ответы на свои вопросы. Когда я стал немного старше, то понял, что моё общество в целом также не может помочь мне найти ответы, главным образом потому, что оно было разделено на два лагеря, и оба утверждали, что имеют окончательные ответы. Но ни в одном из этих лагерей не было ответов, которые звучали бы правдиво для меня.

Для меня было очевидно, что если моё общество не может ответить на самые основные вопросы о жизни, то как оно может называть себя передовым и прогрессивным? Я знал, даже будучи маленьким ребёнком, что есть ответы на мои вопросы, и я знал, что никогда не перестану искать. Я никогда не собирался принимать неполные или противоречивые ответы. Я никогда не стану верить в то, что навязывается мне чьим-то авторитетом, если это не соответствует той реальности, которую я чувствую внутри себя.

Несоответствия и противоречия, которые я видел в обще-

Ещё одна причина, по которой я не чувствовал, что живу в продвинутом обществе, заключалась в том, что с самого раннего возраста я наблюдал многие проблемы, которые противоречили моему внутреннему чувству того, что правильно или естественно. Я также видел некоторые противоречия между тем, что утверждало общество, и тем, что происходило в реальной жизни. Вот лишь несколько примеров, позже я приведу ещё больше:

Я вырос в обществе, где у меня было столько еды, сколько мне было нужно, но я видел по телевизору, как в Африке такие же дети, как и я, голодают или сильно не доедают.

Я вырос в обществе, которое претендовало на мир, но очень рано узнал, что существует нечто, называемое войной. Существовала вероятность, что кто-то из-за пределов моего мирного общества может прийти и убить меня и моих родителей. Позже я узнал, что если бы кто-то в Советской России нажал на кнопку, вся моя страна была бы уничтожена ядерными бомбами через восемь минут (и это всё ещё возможно сегодня).

Если я действительно жил в продвинутом обществе, почему никто из взрослых, которых я знал, не казался по-настоящему счастливым? Мне казалось, что всем им чего-то не хватает в жизни, но они понятия не имели, чего именно, и общество тоже. И никто об этом не говорил.

Я получил образование по всем видам практических, материальных тем. Тем не менее, я испытал, что и у меня, и у детей, и у взрослых вокруг меня были различные проблемы психологического характера. Несмотря на это, мне никогда не давали никакого образования в том, что касается одной вещи, которая влияет на всё, что я делаю в жизни: моей собственной психики.

Мне сказали, что я живу в обществе, которое знает о Вселенной больше, чем любая предыдущая цивилизация, но оно не разрешило очевидного противоречия между религиозным и материалистическим взглядами на жизнь. Кто я: грешник, эволюционировавшая обезьяна или что-то совсем другое?

Самым большим противоречием было существование зла. На личном уровне я не мог понять, как дети могут быть жестоки друг к другу, и как взрослые могут относиться друг к другу недоброжелательно. В более широком масштабе я не мог понять войну, преступление, пытки и все другие формы человеческого зла, о которых я узнал, когда стал старше. Как получилось, что даже самая передовая цивилизация на Земле не смогла объяснить происхождение и природу зла? Стало только хуже, когда я узнал о судьбе 6 миллионов человек в нацистских концлагерях и увидел фотографии людей, похожих на меня, которые выглядели как ходячие скелеты. Одно дело, что такое могло случиться, и совсем другое, что общество, претендовавшее на то, что имеет гораздо больше зна-

ний, чем любая предыдущая цивилизация, не имело правдоподобного этому объяснения.

Объяснение проблем моей цивилизации

Неполноценное понимание жизни в моём обществе сделало моё детство и юность гораздо более трудными, чем это должно было быть. В этой книге я расскажу о своём личном путешествии в поисках ответов за пределами ментальных рамок, определённых обществом. Я покажу, как это (спустя 44 года) дало мне ответы на мои вопросы и позволило мне стать человеком, который находится в мире с самим собой и с жизнью на такой планете, как Земля. Я даже чувствую себя вполне счастливым человеком.

Мой личный опыт показал мне, что все вопросы, которые у меня были о жизни, имеют правдоподобные и исчерпывающие ответы. Поэтому я рассмотрю некоторые проблемы, связанные со способностью дать объяснения на многие вопросы о жизни, которые я видел в детстве, и представлю альтернативное объяснение. Наши современные демократические государства всё ещё действуют так, будто ответы на жизненные вопросы должны быть найдены либо в религиозных ментальных рамках, либо в «научных» материалистических ментальных рамках. На собственном опыте я убедился, что ответы на более глубокие вопросы жизни можно найти, но не в этих ментальных рамках. И мне всегда было совер-

шенно очевидно, что если ответы не могут быть найдены в официальных рамках, то я просто должен искать в другом месте. Мысль о том, что если в официальных системах мировоззрения нет ответов, то я не должен задавать вопросы, просто не приходила мне в голову.

Непризнанное меньшинство

Я родился в доисторические времена, когда не было интернета (1957), и вырос в Дании, стране, которую я бы внёс в разряд «демократических стран».

С материальной точки зрения моё детство было хорошим, и о моих материальных потребностях должным образом заботились. С психологической и духовной (психо-духовной) точки зрения моё детство было похоже на долгую прогулку по пустыне, где я постоянно испытывал жажду, но никогда не находил колодца.

В возрасте 18 лет я понял, что я не единственный духовный человек на планете, но это привело к ещё одному противоречию. Моё общество претендует на то, чтобы быть открытой и толерантной системой, которая относится с уважением к меньшинствам. За свою жизнь я видел, как несколько групп меньшинств были приняты и получили юридическое признание. Одним из примеров являются геи и лесбиянки, и они, вероятно, составляют меньший процент населения, чем духовные люди. Несмотря на это, духовные лю-

ди до сих пор не признаны и не приняты. В средствах массовой информации нас регулярно изображают сумасшедшими идолопоклонниками, которые бездумно следуют за гуру, едят странную пищу и говорят об астрологии и чакрах. Наш взгляд на жизнь часто называют глупым и противоречащим здравому смыслу. Это в лучшем случае – стереотип, а в худшем – злонамеренная кампания против нас.

Я дошёл до точки, где чувствую, что мне пора высказаться по этому поводу. Я нахожу разумным, что духовные люди требуют, чтобы с ними обращались в соответствии с демократическими идеалами, на которых, как утверждают наши общества, они основаны. В каком-то смысле эта книга – моё обращение к современной демократии: «Придержите свои языки! Позвольте мне быть духовным человеком в открытом и толерантном обществе, которое не выступает против того, что у меня нестандартный взгляд на жизнь. Давайте открыто поговорим о более глубоких вопросах жизни и осмелимся мыслить за пределами двух господствующих взглядов на жизнь, которые до сих пор не смогли ответить на эти вопросы».

Я надеюсь, что эта книга вдохновит других духовных людей также рассказать свои истории, чтобы общество в конечном итоге признало, что значительный процент населения имеет законные потребности, которые общество не смогло понять и признать. Я даже надеюсь, что общество однажды поймёт, что духовные люди могут что-то предложить, пото-

му что мы готовы смотреть за пределы ментальных рамок, которые держат общество застрявшим между двумя группами людей, превративших свои умы в закрытые системы (фундаменталистские христиане и фундаменталистские материалисты). Мы были готовы работать над нашей личной психологией, и это даёт нам опыт, который понадобится современным обществам, когда они столкнутся со следующей большой проблемой, а именно с тем, как перейти от сосредоточения на материальном благополучии к психологическому благополучию.

Вкратце я рассмотрю некоторые из проблем, связанные с объяснением многих вопросов о жизни, которые я видел в обществе, и покажу, как более открытый подход может дать нам другую перспективу. Я начну с довольно универсального подхода, который не требует от читателя веры в идеи, слишком далеко выходящие за рамки общепринятого представления о жизни. Позже в книге я рассмотрю более конкретные духовные идеи и то, как они могут заставить эти проблемы современного общества исчезнуть

1 | Что же мы за существа?

Вот первое, о чём я хочу поговорить: если наша цивилизация так сложна, почему люди не счастливы? Со времён моего детства люди не стали счастливее, и я думаю, что можно утверждать, что дело обстоит как раз наоборот. Сегодня существует больше психологических проблем, чем когда-либо. Люди испытывают стресс, страдают от депрессии или даже от более серьёзных психологических заболеваний.

Может быть, люди не чувствуют себя счастливыми потому, что наша цивилизация не смогла перейти от материального благополучия к психологическому? Может быть, общество не смогло осуществить этот переход, потому что оно не смогло решить вопрос о том, что мы за существа? Если мы не понимаем, что мы за существа, как мы можем знать, как мы действительно функционируем? А если мы этого не знаем, как мы можем понять, что нужно человеку, чтобы быть счастливым?

Так что же мы за существа? Я был воспитан думать, что я человек, но моё общество никогда не могло дать мне ясного, непротиворечивого определения того, что именно это означает. Напротив, моё общество имело шизофренический подход к этому вопросу. Оно было глубоко разделено между двумя конкурирующими системами мышления, которые

утверждали, что имеют окончательные ответы относительно того, что мы за существа. Мне было ещё не так много лет, когда я понял, что эти системы несовместимы, даже взаимоисключающи.

Позиция общества такова, что из-за своих демократических принципов оно позволяет обеим точкам зрения сосуществовать, и я просто должен был выбрать одну из них. Тем не менее, с самого раннего возраста у меня было сильное внутреннее ощущение, что ни одна из них не даёт полного понимания того, кто мы есть. Я не мог выбрать ни одну из них, потому что знал, что должен был найти что-то ещё, что-то, что было за пределами их обеих. Если бы я жил в сегодняшнюю эпоху интернета, я, возможно, нашёл бы ответ в более раннем возрасте. Как бы то ни было, я не нашёл альтернативного объяснения, пока мне не исполнилось 18. Моё детство могло бы быть не таким трудным, если бы я нашёл удовлетворительное объяснение. Или если бы я мог открыто говорить о своих вопросах со взрослыми, которые могли бы направить меня в направлении поиска моих личных ответов.

Ирония демократии

На мой взгляд, самая большая ирония современной демократии заключается в том, что мы претендуем на то, чтобы быть открытыми и толерантными обществами, но имеем очень мало терпимости к точкам зрения, выходящим за

рамки христианства или материализма. Я думаю, что причина, по которой мы не можем вести открытый и нейтральный разговор о более глубоких проблемах, заключается в том, что у нас есть этот непримиримый раскол между христианским и материалистическим взглядами на жизнь. Я думаю, что большинство людей рассуждают так: поскольку так называемые авторитетные фигуры в религиозной и научной областях не могут договориться о том, что мы за существа, то остальные из нас, конечно, не могут ничего сказать по этому вопросу, поэтому нам лучше не вступать в дебаты. В результате мы не можем говорить на эту тему. Материалисты ждут, когда христианство окончательно потеряет всякое влияние на общество и вымрет, а христиане ждут, когда Иисус вернётся и заберёт учёных в ад. Тем временем наши общества оказались в ловушке неопределённости и не могут двигаться дальше.

Ирония, которую я вижу, заключается в том, что демократия по своей сути является формой правления, основанной на ненасильственном разрешении конфликтов. Ненасильственное разрешение конфликтов может быть достигнуто только путём открытых дебатов и диалога. Если нет открытых дебатов, как может прийти решение? А если нет решения, то как может осуществляться прогресс?

Открытый диалог – ключ к прогрессу

С самого раннего детства я был сосредоточен на прогрессе. Это была очень важная тема для меня, и можно сказать, что помимо всех моих других занятий и исследований, я изучал феномен прогресса. Я изучал, что ведёт к прогрессу, и мне стало очевидно, что прогресс в обществе происходит за счёт прогресса в умах его граждан. Для меня совершенно очевидно, что наша неспособность говорить о фундаментальных вопросах жизни мешает нашим современным обществам добиться прогресса в определённых областях.

Я вырос во время холодной войны и в раннем возрасте осознал раскол между коммунистическим Востоком и капиталистическим Западом. В течение первых тридцати с лишним лет моей жизни моё общество считало, что этот конфликт невозможно разрешить. Тем не менее, мы стали свидетелями, казалось бы, чудесного падения Берлинской стены и окончания конфликта между капитализмом и коммунизмом. Некоторые говорят, что это была победа капитализма над коммунизмом, но я так не считаю. В Дании и во многих других современных демократических государствах нет строго капиталистической системы, в которой наиболее приспособленные эксплуатируют менее приспособленных. У нас есть форма общества, которая выходит за рамки традиционного разделения между коммунистической и капиталистической экономикой. Вместо того, чтобы позволить капиталистам монополизировать экономику, мы разработали альтернативный, даже милосердный подход к экономике.

Можно сказать, что между Востоком и Западом не было открытого диалога о коммунизме и капитализме. И всё же в современных демократических государствах вёлся открытый диалог о том, должна ли экономика позволять небольшой элите пользоваться привилегиями над остальными. Я считаю, что это в конечном итоге привело к повышению коллективного сознания, осознанию того, что наш единственный выбор – не иметь строго коммунистической или строго капиталистической экономики.

Другим интересным примером того, как происходит прогресс, является проблема рабства. На протяжении тысячелетий различные общества допускали рабство, и это был институт, который редко подвергался сомнению. Официальный отказ от рабства произошёл не в результате насильственной революции. Это произошло в результате дискуссии по многим вопросам, связанным с демократическими принципами, в том числе о том, что мы за существа.

Постепенно людям в демократическом мире стало ясно, что это противоречие – претендовать на то, чтобы быть демократическим обществом и при этом покупать и продавать людей как собственность. Произошло то, что мы повысили наше коллективное осознание того, что мы за существа, а именно, что мы не товар, который можно купить или продать. Один класс людей не может владеть другим классом людей. Таким образом, наступил момент, когда современные демократические государства начали отказываться от раб-

ства. Просто стало очевидно, что это следующий логический шаг для общества.

Потерянный рост счастья

Что ж, я верю, что наши современные демократические общества находятся на грани следующего прорыва, и это является естественной частью прогресса, но мы ещё не смогли оставить позади это наследие. И именно потому, что мы не решили вопрос о том, что мы за существа, мы не смогли признать, что огромный прогресс в материальных условиях жизни не привёл к соответствующему росту счастья и благополучия.

Как будто никто не может сказать открыто о том, что в то время, как мы становимся всё более богатыми в материальном плане, мы становимся всё более обеднёнными психологически. Общество всеобщего благополучия не произвело душевного благосостояния. Для меня это означает, что мы (в течение некоторого времени) топчемся на месте в вопросе о том, как люди становятся счастливыми. Мы не добиваемся прогресса в вопросе о том, что заставляет нас «тикать». Хотя пока мы ещё тикаем.

Главная причина, конечно, в том, что мы не преодолели раскол между христианством и материализмом. Итак, позвольте мне рассказать о том, как эти две системы мышления повлияли на меня.

Почему христианство не удовлетворило моё любопытство

Очевидно, я никогда не мог согласиться с тем, что авторитетные деятели религии и материалистической науки были единственными людьми, которые могли знать что-либо о более глубоких вопросах. Я всегда знал, что у меня есть возможность узнать и решить это самостоятельно. Вот как это выглядело для меня в детстве.

Хотя многие люди в современных демократических государствах, кажется, потеряли веру в христианство, оно всё ещё оказывает очень тонкое влияние на наше мышление. В Дании есть лютеранская государственная церковь, и люди автоматически становятся её членами при рождении. Моя семья была типичной датской семьёй в том смысле, что они не были религиозны, но они и не отказались от своей принадлежности к государственной церкви. Я был крещён в церкви в младенчестве, но я не помнил это событие, поэтому оно не играло большой роли в моём детстве. Я думаю, что ходил в церковь один или два раза в раннем детстве (свадьба и похороны). Мой следующий близкий контакт с церковью был на моей конфирмации*. Это событие стало для меня большим разочарованием.

Незадолго до нашей конфирмации священник из государственной церкви стал приходить в наш класс два раза в неделю, чтобы давать нам уроки. Они должны были подготовить

нас к утверждению нашей христианской веры. Я думаю, что большинство моих одноклассников согласились пройти конфирмацию только для того, чтобы устроить большую вечеринку и получить подарки, которые являются частью датской традиции. И всё же я с нетерпением ждал уроков, потому что впервые в жизни общался со священником и думал, что он сможет дать мне ответы на мои вопросы.

Во время первых двух уроков я был очень внимателен и задал несколько вопросов. Однако, я быстро понял, что у священника было не больше ответов, чем у других взрослых, которых я встречал в детстве. Это потрясло меня! Я просто не мог представить себе человека, который решил стать священником, но, очевидно, не задумывался о более глубоких вопросах жизни. У меня было ощущение, что цель религии – помочь людям разобраться с более глубокими вопросами (позже я понял, какова истинная цель религии). Я предположил, что если человек решил стать священником, то только потому, что у него был личный интерес к этим вопросам. И, конечно же, институт, который выжил на протяжении веков и утверждал, что представляет Бога и Иисуса, должен был найти способ помочь своим собственным священникам решить эти вопросы.

Вскоре мне стало ясно, что у этого священника нет личного решения. Всё, что он мог мне дать, – это набор заранее определённых ответов, основанных на том, что было для меня очень странным понятием, а именно – «церковные док-

трины». Он сказал мне, что это то, что христианская религия определяет как истину, так что это то, во что я должен был верить как христианин. Это было для меня огромным разочарованием, потому что эти стандартные доктрины просто не резонировали с тем, что я знал внутри. Откуда мне было знать, что церковные доктрины не являются полной истиной? Что ж, это глубокая тема, поэтому я расскажу об этом позже. На данный момент я хочу сказать, что христианская религия не могла удовлетворить мою потребность в ответах на фундаментальные вопросы. Позвольте мне сосредоточиться на вопросе о том, что мы за существа.

Вот ещё одно несоответствие. Дания – демократическая страна, и она гарантирует своим гражданам определённые права, одним из которых является свобода вероисповедания. Из-за свободы вероисповедания датское общество не совсем понимало, как преподавать религию в школьной системе. Когда я был ребёнком, не было очевидного религиозного образования, пока я не стал достаточно взрослым для конфирмации. Тем не менее, в третьем классе я получил уроки по так называемой «библейской истории», которая учила нас основным событиям Ветхого Завета.

На этих уроках рассказывали, что я потомок двух людей, Адама и Евы, которые жили давным-давно на Ближнем Востоке. Бог создал только этих двух людей, а все остальные произошли от них. В возрасте 8 лет это вообще не имело для меня никакого смысла. В то время я ничего не знал о гене-

тике и инбридинге, но знал, что это просто неправда.

Мне рассказывали, что Адам и Ева жили в чудесном месте, которое было намного лучше, чем тот мир, в котором живу я. Что ж, это немного резонировало со мной. В том возрасте я остро ощущал проблему войны и многих других человеческих злодеяний. У меня также было внутреннее понимание, что возможно существование мира, в котором войны просто не может быть. Таким образом, у меня было внутреннее чувство, что мы, люди, изначально пришли из какого-то состояния, которое было лучше, чем то, что мы имеем сейчас. Я также знал, что у нас есть потенциал вернуться в это состояние, даже здесь, на Земле. И всё же говорить, что рай – это маленький садик на Ближнем Востоке, в котором живут только два человека, для меня не имело никакого смысла.

Также мне рассказали, что Адам и Ева ослушались Бога, который жил в этом саду. Это рассердило его, и в результате Бог вышвырнул их из сада. Это наказание разгневанного Бога было истинной причиной всех несчастий, которые я видел в окружающем мире. Другими словами, я (и все остальные люди по сей день) были наказаны Богом за выбор двух других людей, которых я даже не знал и которые, вероятно, мне бы не понравились.

Несмотря на то, что мне было 8 лет, меня невозможно было заставить поверить в это. Я просто знал внутри себя, что настоящий Бог не может быть таким и должно быть другое объяснение (которое я опишу позже). Следствием изгнания

Адама и Евы из рая стало то, что, согласно христианской религии, все мы грешники. Мы родились во грехе из-за того, что сделали Адам и Ева тысячи лет назад. Другими словами, христианская религия хотела, чтобы я верил, что я грешник, наказанный всеблагим Богом за выбор, сделанный другими людьми.

Я знал, что это просто неправда. Я знал, что я – индивидуальность со свободной волей. Я буду нести ответственность за свой собственный выбор перед высшей силой, но эта сила никогда не заставит меня отвечать за выбор других людей. Я просто знал это и никогда не считал себя грешником. Я никогда не соглашался с тем, что Бог, которого христианство называет всезнающим, всемогущим и всеблагим, создал меня ущербным существом, нуждающимся в спасении по своей природе. Я знал, что настоящий Бог дал мне такой же выбор, как Адаму и Еве. И я не несу ответственности за выбор Адама и Евы. Я был в этом мире из-за выбора, который я лично сделал. У меня просто не было возможности объяснить, когда я сделал этот выбор (теперь же я объясню, но ответ придётся подождать, пока я не дам больше справочной информации).

Вдобавок ко всему христианство сказала мне, что, поскольку я грешник, единственный способ спастись для меня – это жить по правилам, определённым христианской религией (верить в доктрины, которые не имели для меня никакого смысла, и следовать ритуалам, которые казались мне

механическими). Если я это сделаю, то после моей смерти Иисус придёт и заберёт меня на небеса, где я якобы буду жить вечно, сидя на розовом облаке и играя на арфе. Я знал, что это неправда, потому что всегда понимал, что сам несу ответственность за свой выбор. Моё спасение не в том, чтобы следовать внешним правилам и ритуалам. Моё спасение – это внутренний процесс, зависящий от моих собственных выборов. Я знал, что спасение – это состояние ума, и именно мои выборы влияют на него. Нет никакого способа, чтобы Иисус или любое другое небесное существо могли изменить мой ум за меня. Я знал это ещё в детстве, но тогда я не мог описать этого (позже я опишу этот процесс).

Я знал, что некоторые основные идеи, продвигаемые христианской религией, имеют некоторую реальность. Но я также знал, что многие идеи не содержат полного понимания, а некоторые из них совершенно ложные. Я знал это внутри себя ещё в детстве, но, очевидно, у меня не было очень чёткого понимания этих тем. И поскольку мне не с кем было поговорить, и не было книг, которые я мог бы почитать, мне было очень трудно справиться со всеми возникшими вопросами. Я просто не мог понять, как самопровозглашённое передовое общество, в котором я жил, могло иметь государственную религию, неспособную ответить на мои вопросы о жизни. Эта религия давала мне лишь набор доктрин, которые явно противоречили друг другу.

Почему материализм не удовлетворил моего любопытства

Поскольку моё общество было глубоко разделено между двумя противоположными взглядами на то, какими существами мы являемся, оно не смогло справиться с более глубокими вопросами, и это привело к некоторым противоречиям. Одним из примеров этого было то, что в том же возрасте, когда я проходил подготовку к конфирмации в государственной церкви, мне давали уроки биологии, которые рассказывали мне об эволюции и утверждении Дарвина, что мы произошли от обезьян. Меня до сих пор поражает, что самопровозглашённое передовое общество может подвергать своих детей такого рода непоследовательности и всем противоречивым вопросам, которые это порождает в наших плохо подготовленных умах. Хуже всего то, что нам не с кем было поговорить об этом, так как взрослые вокруг нас тоже не получали никакой помощи для разрешения этого конфликта и поэтому не могли вести разговора о нём.

И вот мне 13 лет. Мне рассказали, что я произошёл от Адама и Евы, но я нисколько в это не поверил. Можно было бы подумать, что тогда я с радостью приму теорию эволюции (обратите внимание на слово «теория», которое некоторые люди склонны забывать) и отрину духовную сторону своей природы. И действительно, я всегда признавал, что на этой планете происходит постепенный эволюционный процесс. В раннем возрасте мне дали книгу о динозаврах, и мне стало

очевидно, что существует очень древний процесс, который шёл от примитивных форм жизни к более сложным. Однако мне казалось столь же очевидным, что это не может объяснить, откуда я пришёл.

Я не уверен, что смог бы сформулировать это в возрасте 13 лет, но внутри себя я знал, что я не эволюционировавшая обезьяна. У меня не было никаких проблем с идеей, что моё физическое тело является результатом постепенного эволюционного процесса. Но какое это имеет отношение к тому, что я за существо и откуда пришёл? В течение всего моего детства мне было совершенно очевидно, что я – это не моё физическое тело. Я более, чем моё физическое тело. Это не то, во что я верил, и уж точно никто мне об этом не говорил. Это было то, что я переживал как повседневную реальность. Этот опыт был настолько реален для меня, что никакие аргументы, представленные какой-либо авторитетной фигурой в обществе, не могли его опровергнуть.

Я всегда был очарован животными, особенно птицами. И всё же мне казалось очевидным, что животные обладают более низкой формой сознания, чем мы, люди. Я помню, как однажды смотрел телевизионную передачу об обезьянах, и в ней был показан шимпанзе, типично скалящий зубы. Для меня было очевидно, что между сознанием обезьяны и сознанием человека нет недостающего звена. Переход с животного уровня сознания на наш не является вопросом постепенной эволюции. Это фундаментальное различие, которое

для меня не могло быть объяснено постепенными изменениями. Это было то, что физики называют «квантовым скачком», о котором я не знал в том возрасте.

Мне было ясно, что я – индивидуальность, а моя индивидуальность – продукт моего сознания. Мне также было очевидно, что моё сознание – это вопрос того, что я думаю о себе и как я смотрю на себя. И вот то, что называется наукой, рассказывает мне, что всё, чем я являюсь, – это продукт каких-то материальных процессов в этом комке серого вещества, который находится между моими ушами. Невозможно было заставить меня поверить в это, как и невозможно было заставить меня поверить в Адама и Еву.

Опять же, у меня был ежедневный опыт, который показывал мне ограниченность этого так называемого научного утверждения, и основным элементом этого опыта было самосознание. Я испытал, что могу мысленно выйти за пределы себя, посмотреть на себя и затем сознательно решить изменить своё поведение. Несколько раз в детстве у меня был опыт, когда я внезапно замечал определённый аспект своего поведения и затем сознательно решал изменить его. Например, в возрасте 10 лет я вдруг увидел, что постепенно начал употреблять ругательства, и меня поразило, насколько это было примитивно. В какой-то момент я решил перестать использовать ругательства, и я это сделал. А теперь покажите мне животное, которое на это способно.

В детстве у нас было две собаки, и я любил их обеих. Од-

на была дикой, с которой я просто не мог контактировать. Вторая была очень ласковой, и я мог почувствовать связь с ней, но, очевидно, не такую, какую я мог бы иметь с другим человеческим существом. Для меня было очевидно, что ни одно животное не может посмотреть на себя со стороны и решить изменить своё поведение. В детстве я смотрел анимационный диснеевский фильм «Книга джунглей», в котором король обезьян поёт: «Я хочу быть человеком, детёнышем человека, и прогуляться прямо в город... Я устал обезьянничать». И всё же я осознавал, что в реальном мире животные думают и чувствуют не так, как люди. И они не могут научиться вести себя как люди.

Для меня «недостающим звеном» в материалистическом объяснении является самоосознание: способность мысленно выйти за пределы себя, посмотреть на себя, решить, что существует определённый, нежелательный тип поведения, а затем сознательно выбрать изменить это поведение. Я делал это так много раз в своей жизни, что для меня это самоочевидная реальность. Я знаю, что ни одно животное не может этого сделать. Я также знаю, что комок инертной материи между моими ушами не может этого сделать. Я могу выйти за пределы себя, но мой мозг не может выйти за пределы моего черепа. Поэтому, когда «научный» материализм говорит мне, что всё моё сознание является продуктом моего физического мозга, это совершенно неправдоподобно для меня. Почему? Потому что это противоречит моему повседневно-

му опыту. Я знаю, что я более, чем материальное существо, и я знал и испытывал это с самого рождения (на самом деле гораздо раньше, но давайте не будем забегать вперёд).

Когда учитель рассказывал мне, что теория эволюции научно доказана, я знал с внутренней уверенностью, что должно быть что-то ещё. Когда священник рассказывал мне, что всё, что мне нужно знать, может быть объяснено христианскими доктринами, я также понимал, что должно быть что-то ещё. Вот почему ни религия христианства, ни религия материализма не смогли удовлетворить моего любопытства к жизни. У меня были вопросы, на которые они не могли ответить, и именно поэтому я знал, что должен искать ответы в другом месте. Я знал, что мои вопросы правомерны, и что где-то есть ответы.

Что же мы тогда за существа?

Так что же я думаю о том, какими существами мы являемся? Я не нашёл ответ на этот вопрос в детстве, поэтому позвольте мне перейти к тому взгляду, который я развил во время своего 44-летнего путешествия в неизвестное.

Для начала я снова вернусь в своё детство. Мой отец родился в начале 1920-х годов, когда датское общество и особенно школьная система сильно отличались от тех времён, когда я был ребёнком. Мой отец родился в семье рабочего класса (это было в те времена, когда в датском обществе ещё

существовал рабочий класс), и он ходил в государственную школу. Он был очень умён и в первые годы очень хорошо учился. Тогда детей в классе рассаживали в зависимости от того, насколько хорошо они учились. Лучший ученик сидел прямо перед учительским столом, а худший – в задней части класса. Мой отец сидел впереди всех, и его иногда брали в другие классы, чтобы продемонстрировать, насколько он хорош в основной математике. Он мог очень быстро вычислять в уме большие числа (в то время, когда карманные калькуляторы ещё не были изобретены, это очень впечатляло).

Можно сказать, что мой отец был учёным, простаком он точно не был. У него было очень сильное внутреннее чувство справедливости и чести. Это вскоре привело его к конфликту с датской школьной системой, потому что он видел, что некоторые учителя были явно несправедливы. Например, у него был один учитель, который любил наказывать учеников. Он заставлял их подходить к его столу, протягивать руку, а затем бил им по ладони стальной линейкой. Учитель явно получал от этого садистское удовольствие, так как его глаза блестели, а кончик языка торчал из уголка рта. Если ученик плакал после того, как его пару раз ударили, его отправляли обратно за парту. Поскольку мой отец считал это несправедливым, он отказался плакать, поэтому учитель продолжал бить его по руке, пока не понял, что зашёл слишком далеко. Отца отправили обратно за письменный стол, и после этого у него ещё несколько часов болела рука.

Другая ситуация произошла, когда учитель заметил, что мой отец пишет очень коротким карандашом. Причина была в том, что мой отец знал, что у его родителей мало денег. Он не хотел просить у них денег на новый карандаш, поэтому продолжал пользоваться старым, пока мог. Учитель рассердился и приказал отцу принести на следующий день в школу новый карандаш, причём он уточнил, что это должна быть определённая марка. Мой отец получил от матери 10 руд (самую маленькую единицу датской валюты) и пошёл покупать карандаш. Марка, указанная учителем, стоила 10 руд, но была и другая марка, которая стоила всего 5 руд. Мой отец купил более дешёвый карандаш и теперь имел невероятную роскошь купить на 5 руд вчерашней выпечки в пекарне. Он думал, что это отличное дело, пока не пришёл в школу и учитель не проверил его карандаш. Когда учитель увидел, что это не указанная марка, он рассердился и швырнул карандаш об стену. Излишне говорить, что графитовая палочка сломалась, и отцу постоянно приходилось точить карандаш. Из-за многих других инцидентов, подобных этому, мой отец в возрасте 10 лет решил, что он больше не хочет иметь ничего общего с датской школьной системой, и он просто отказался учиться. Вскоре его перевели из передней части класса в заднюю.

Это может быть интересная история о плохих временах, но вот поворот. Мой отец любил рассказывать мне, как читал книги о чужих землях, и у него была мечта – стать ин-

женером. Он хотел путешествовать по всему миру и строить мосты. Я не сомневаюсь, что у него хватило бы ума стать хорошим инженером, но, конечно, для этого ему пришлось бы пройти через датскую школьную систему. Тогда ребёнку из рабочей семьи было очень трудно получить какое-либо высшее образование, но я всё же думаю, что ребёнку с необычными способностями можно было бы дать дорогу. Очевидно, это могло произойти только в том случае, если бы ребёнок знал, как работать с системой. А этого невозможно делать, сидя в задней части класса.

Я слышал о том, как мой отец мечтал стать инженером и видел, как он десятилетиями работал на одной фабрике, чистя печатные машины скипидаром, разлагая свои мозги. Я почувствовал глубокое сострадание к тому, что он не смог осуществить мечту всей своей жизни. Я также чувствовал его внутреннюю боль не только из-за необходимости проводить большую часть времени на скучной работе, но и из-за упущенной возможности. Очевидно, его жизнь сложилась не так, как он надеялся в детстве. Но в то же время мне было ясно, что мой отец упустил мечту своей жизни в возрасте 10 лет, когда решил прекратить работать со школьной системой. Для меня было очевидно, что у остальных 25 учеников были те же учителя, но не все они приняли то же решение, что и мой отец.

В возрасте 10 лет я знал, что мой отец упустил мечту своей жизни не из-за внешних обстоятельств, какими бы труд-

ными они ни были. Нет, мой отец упустил мечту своей жизни из-за своих внутренних обстоятельств, то есть из-за своей личной психологии. Я также наблюдал за другими взрослыми внутри и за пределами моей семьи, которые делали то же самое. Просто наблюдая за людьми, я понял, что главное ограничение, с которым мы сталкиваемся в жизни, – это наши собственные психологические условия.

Это возвращает меня к вопросу о том, что мы, люди, за существа. Очевидно, что это не будет полным определением (далее будет более полное определение), но для начала я хочу сказать, что мы, люди, являемся психологическими существами. Всё, что мы делаем как личности, определяется тем, что происходит в нашей психике. Всё, что мы делаем как общество, определяется тем, как наши индивидуальные психики объединяются, чтобы сформировать то, что мы называем культурой, обществом, цивилизацией, и что мы могли бы также назвать коллективной психикой.

Мы можем изменить нашу психику

В возрасте 10 лет я решил, что не собираюсь проходить через то, что пережил мой отец. Это не означало, что я решил адаптироваться к школе (что я уже в принципе сделал) и стать инженером. Я решил, что не позволю, чтобы в моей жизни доминировали условия моей собственной психологии. Я ясно видел, что именно характер и упрямство моего

отца направили его жизнь в это русло. Я видел, что это был его способ реагировать на мир, который доминировал в его жизни и продолжает доминировать. Я был абсолютно полон решимости найти способ освободиться от своих собственных психологических механизмов, чтобы достичь более высокой степени психологической или ментальной свободы.

Это было нелегко для меня, так как моё общество не предлагало мне большой помощи. Когда я был ребёнком, общепринятым было предположение, что вы мало что можете сделать со своей психологией, и, если вы относительно нормальны, вам ничего не нужно делать. Обычно считалось, что, прежде чем идти к психологу, нужно по-настоящему сойти с ума. Если вы были относительно нормальным человеком, у вас просто могли быть некоторые психологические затруднения. То, что мы сегодня называем книгами по популярной психологии или даже самопомощи, не существовало в обществе моего детства. Я уверен, что такие книги оказали бы на меня огромное влияние.

Сегодня отношение к психологии явно изменилось, и нет той же стигматизации, связанной с обращением за помощью по психологическим проблемам. В то же время в современных обществах, по-видимому, растёт осознание того, что психологические проблемы – это не то, что можно игнорировать. Дания имеет высокоразвитую систему общественного здравоохранения, которая также охватывает психические заболевания. В течение последних лет несколько экспертов

публично заявили, что самой большой проблемой для системы здравоохранения в ближайшие пару десятилетий будут психические заболевания. Такой же сдвиг, по-видимому, происходит и в других современных демократических государствах.

Хотя Дания неизменно входит в число самых счастливых стран мира, не все датчане постоянно счастливы. Злоупотребление психоактивными веществами растёт, и всё больше и больше людей попадают в лечебные учреждения с изнурительными психическими заболеваниями. В настоящее время ожидается, что две трети населения будут иметь депрессию в течение своей жизни. Опросы также показали, что всё большее число людей страдает от связанных со стрессом психических проблем или уже испытывают выгорание. Из 5-миллионного населения 700 000 принимают те или иные психоактивные вещества, каждый третий человек получает психиатрический диагноз, а психические заболевания обходятся обществу в 10 миллиардов долларов в год (это много для маленькой страны). На мой взгляд, это подтверждает моё наблюдение о том, что мы являемся психологическими существами, и указывает на другое противоречие в обществе.

2 | Современные общества и психические заболевания

Датское общество основано на сложном наборе представлений о равенстве и справедливости. Утверждается, что в Дании «мало кто имеет слишком много, и никто не имеет слишком мало». Мы часто называем это «датской моделью», и в датском обществе есть определённая гордость за то, чего мы достигли. Я вообще не критикую своё общество. Я признаю, что все современные демократические государства добились огромного прогресса за последнее столетие.

Я застал, как мои бабушки и дедушки из рабочего класса жили в самых бедных квартирах в городе. Оба моих родителя выросли на одной улице и жили в так называемых бараках. Они были построены специально для бедных, и в каждой квартире было по две комнаты, кухня и задний коридор. Четыре квартиры были объединены в один блок и имели два наружных туалета и одну комнату для стирки и принятия ванны. Единственным способом нагреть воду был большой котёл, под которым можно было разжечь огонь. Мои отец и мать выросли на противоположных сторонах этой улицы. В их семьях помимо них было ещё по двое детей, так что в этих двух комнатах, площадью, вероятно, по 20 квадратных

метров, жило по пять человек. Однако в некоторых других семьях на той же улице было семеро детей. Надо ли говорить, что эти квартиры были снесены и заменены более современными зданиями. Та бедность, которую я видел в поколении моих дедушек и бабушек, сегодня просто немыслима, и я полностью признаю этот прогресс.

Исходя из бедности и неравенства, существовавших в начале 1900-х годов, я считаю логичным и необходимым то, что общество прошло через период сосредоточения внимания на улучшении материальных условий жизни людей. Я совершенно не чувствую желаний критиковать это. Тем не менее, я также вижу, что это только фаза. Я не слышал, чтобы кто-то сформулировал и высказал это вслух, но я думаю, что эта фаза основана на лежащем в основе предположении. Мне кажется, что датское общество социального обеспечения основано на предположении, что мы – материалистические существа. Это означает, что если общество улучшит материальные условия жизни своих граждан, то они автоматически станут счастливыми и удовлетворёнными своей жизнью. Общество улучшит материальные условия, а счастье само позаботится о себе.

Этого явно не произошло. Я иногда шучу, что в Дании мы потеряли право жаловаться десятилетия назад, но это ничего не остановило. Жаловаться – это наш национальный вид спорта. Как мы объясним, что у нас есть группа наций, которые пришли к огромному усовершенствованию своих мате-

риальных условий, но они всё ещё не увидели нематериального улучшения своих условий? Несмотря на то, что у людей всё меньше и меньше причин жаловаться, люди становятся всё более и более недовольными своей жизнью. Вернёмся к тому, что я говорил о росте психических заболеваний, злоупотреблении психоактивными веществами, депрессии, самоубийствах и стрессе. В большей части мира люди имеют как достаточно пригодные, так и даже богатые материальные условия. Согласно основному материалистическому предположению, это должно было привести к тому, что люди станут абсолютно счастливыми.

Для меня есть только один вывод, и он совершенно очевиден. Если бы мы были материальными существами, счастье было бы автоматическим результатом предоставления людям правильных материальных условий. В конце концов, наш подход к физическому здоровью заключается в том, что тело – это машина, а болезнь означает, что что-то пошло не так с машиной. Вы находите то, что пошло не так и исправляете это с помощью хирургии или химии, и здоровье должно быть восстановлено. Опять же, я признаю, что современная медицина достигла огромного прогресса даже при моей жизни, но я также вижу, что болезни не были искоренены.

Точно так же наш подход к психическому здоровью заключается в том, что счастье – это продукт мозга, который является механическим устройством, зависящим от химии и электромагнетизма. Учитывая все эксперименты с лекар-

ственными препаратами, можно было бы подумать, что к настоящему времени наука должна была придумать таблетку, которая производила бы счастье. Вместо этого я вижу, что всё больше и больше врачей и психологов признают, что невозможно вылечить психическое заболевание или вызвать счастье химическим путём.

Это только укрепляет моё убеждение в том, что мы, люди, не являемся материальными существами. Мы более, чем материальные существа, мы – психологические существа. Когда я прихожу к такому выводу, это немедленно высвобождает импульс изменить своё мировоззрение и свои действия соответственно. На мой взгляд, современные общества сейчас вынуждены пересмотреть материалистический подход к тому, как сделать людей счастливыми.

Заплатить цену или изменить подход

Ситуация, с которой мы сталкиваемся, проста. Большинство современных обществ имеют государственные системы здравоохранения. Эксперты сходятся во мнении, что в ближайшие десятилетия эти системы могут быть перегружены психическими заболеваниями. То же самое относится и к системам социального обеспечения, поскольку психические заболевания часто лишают людей трудоспособности. Нет никаких сомнений в том, что бизнес теряет огромные суммы денег из-за потери производительности, вызванной психи-

ческими проблемами. И конечно, теряется творческий потенциал, потому что люди не могут развивать его из-за своих психологических проблем (как мой отец). В Дании уже сейчас ощущается нехватка квалифицированных рабочих и ожидается, что она будет увеличиваться.

Мой вывод прост. Если мы не изменим наш нынешний подход, то, вероятно, увидим, что системы социальной защиты (которые мы так тщательно разрабатывали в течение прошлого столетия) будут поставлены на колени психическими заболеваниями. Поэтому для меня совершенно очевидно, что нам нужен лучший подход. До сих пор наш подход сводился к тому, что счастье и душевное благополучие – это личное дело каждого. Роль общества состоит в том, чтобы обеспечить нужные материальные условия, и тогда люди автоматически станут счастливыми, за исключением каких-то крайних случаев.

С определённой точки зрения можно утверждать, что психические заболевания были менее распространены десятилетия назад. Я думаю, что это было в значительной степени из-за стигмы, связанной с психическими заболеваниями. Многие случаи просто не были диагностированы, потому что люди не обращались за помощью. Они шли к бутылке вместо психолога. Таким образом, с другой точки зрения, можно сказать, что то, что раньше было исключением, сейчас стало более распространённым. Нельзя игнорировать вопрос психического здоровья, когда эксперты предсказывают, что две

трети населения будут испытывать депрессию в течение своей жизни.

Так что же нам делать? Что ж, вот как я вижу наши варианты. У нас есть страна, которая обеспечивает общественное здравоохранение. Если у кого-то развивается психическое заболевание, он обращается к системе, и система обязана стремиться помочь ему, что сопряжено с издержками для общества. Мне кажется очевидным, что, если мы будем продолжать придерживаться нашего нынешнего подхода, обществу просто придётся заплатить. Единственный выход – изменить наш подход. Мы должны будем либо заплатить за это, либо изменить подход.

Альтернатива, которую я вижу, заключается в том, чтобы создать своего рода буферную зону между населением и системой психологического здравоохранения. Естественно, нам всё ещё нужна государственная система, способная справиться с более тяжёлыми случаями психических заболеваний. Тем не менее, основываясь на своём личном опыте, я знаю, что многие проблемы психического здоровья могут быть решены самими людьми, если только им дать правильные инструменты.

Помню, когда я был ребёнком, ходили разговоры о том, что система здравоохранения перегружена физическими болезнями и стареющим населением. Затем датское общество предприняло попытку сосредоточиться на профилактике, а не на лечении. Стали говорить о более сбалансированной

диете, занятиях спортом, о вреде курения. По-моему, нам нужно сделать что-то подобное с психическим здоровьем. Мы должны перейти от лечения психических заболеваний к предотвращению того, чтобы они становились слишком серьёзными; чтобы люди могли справляться с ними самостоятельно.

Очевидно, что моя основная мотивация для предложения этого не является экономической. Как я уже описывал, я испытывал глубокое сострадание к отцу, который упустил мечту своей жизни из-за психологических проблем. У меня было огромное желание помочь ему и, конечно, многим другим людям, у которых тоже были психологические проблемы. На самом деле я встречал очень мало людей, у которых не было бы каких-то психологических проблем, серьёзно повлиявших на их жизнь. Можно сказать, что моя главная цель в жизни состояла в том, чтобы найти способ для нас, людей, подняться над нашими психологическими ограничениями.

Помощь в самопомощи

Очевидно, что изменения, которые я предвижу, потребуют серьёзного, системного сдвига. Это потребует от нас принятия совершенно новой парадигмы, потому что мы уже доказали, что не можем предотвратить психические заболевания, заставляя людей глотать таблетки. Нам придётся разработать парадигму, которая снабдит людей знаниями, от-

ношением и инструментами, чтобы справиться с психическим заболеванием самостоятельно (если только оно не станет слишком серьёзным, но это то, что мы часто можем предотвратить). Я даже думаю, что нужно начинать с детского сада и школы, давая детям базовые знания о психологии и о том, как справляться с собственными эмоциями и отношением к жизни.

У меня лично было много психологических проблем в течение моей жизни. Мне не пришлось обременять ими общественную систему, потому что мой духовный подход к жизни позволил мне справиться с ними самостоятельно. То же самое относится и к тысячам духовных людей, которых я лично встречал, и к миллионам других, которых я не встречал. Эти многие люди могли бы стать ресурсом для общества, потому что мы научились заботиться о своих собственных психологических потребностях, и большинство из нас хотели бы помочь другим.

Во время моего 44-летнего путешествия я испытал много озарений и нашёл инструменты, которые помогли мне исцелить мои психологические проблемы и обрести глубокое чувство счастья и гармонии. Я не ожидаю, что мой подход будет работать для всех, и я, конечно, не ожидаю, что современные демократические государства начнут продвигать моё духовное мировоззрение. Тем не менее, я вижу, что общество вынуждено рассматривать альтернативы нынешнему материалистическому подходу, и я думаю, что мы должны

быть готовы к тому, чтобы начать вести открытые дебаты о том, что мы за существа. Что значит быть человеком? Что делает нас людьми? Каковы наши основные потребности?

Я считаю, что у нас есть набор материальных потребностей, но у нас также есть набор нематериальных потребностей. Материальные потребности заботятся о выживании и функционировании наших физических тел, но они не обеспечивают нашего психологического выживания или душевного равновесия. Поэтому я думаю, что современные демократические государства прямо сейчас сталкиваются с кризисом психического здоровья, который вынудит нас перейти от общества всеобщего материального благополучия к обществу всеобщего душевного благосостояния.

Как я уже сказал, то, через что прошли миллионы духовных людей за последние десятилетия, – это новаторские усилия, которые потенциально могут помочь обществу совершить этот переход. В конце концов, мы, духовные люди, имеем прямой, личный опыт в том, как взять на себя управление нашим психическим здоровьем и психологическим благополучием. Мы продвинулись дальше, чем средний человек, и я рассматриваю это как ресурс, из которого общество могло бы извлечь выгоду и использовать это. Однако тут возникает «но».

Универсальный подход

На мой взгляд, духовным людям есть что предложить обществу, но это не то, о чём может подумать большинство духовных людей. Когда я был молод и только обрёл духовные учения, я был переполнен юношеским энтузиазмом и думал, что решение всех проблем общества состоит в том, чтобы обратить всех к моему конкретному духовному учению и движению. Сегодня я считаю это безнадежно наивным с моей стороны.

Когда я смотрю на тысячи духовных людей, которых я лично встречал, и когда я смотрю на духовных людей или людей нового века в целом, одна вещь выделяется для меня. Мы являемся духовными людьми потому, что приняли определённый взгляд, определённый подход к жизни. Когда я смотрю на это со стороны, я вижу, что эта точка зрения нейтральна и универсальна. За всем этим стоит набор универсальных представлений о том, как функционирует человеческая психика. Эти идеи столь же нейтральны, как и знания о гравитации или функциях тела. Они не являются специфическими для конкретной религиозной традиции, но иногда они включены в конкретную религиозную традицию. Они не являются специфическими для конкретного духовного учения или учителя, но иногда они встречаются в конкретном учении и выражаются конкретным учителем.

Когда я смотрю на духовных людей в целом, я вижу, что большинство из них принадлежит к определённому духовному учению, организации или учителю. Большинство из них

думает, что решение всех проблем состоит в том, что общество официально признает их традицию, учение или гуру, как оно признало христианство официальной государственной религией. Для меня это просто нереалистично. Я не думаю, что это когда-нибудь случится. Мы просто вышли из эпохи, когда одна религия может доминировать в обществе (по крайней мере, в современных демократических государствах). Однако сохранение этой мечты мешает духовным людям оказывать то положительное влияние на общество, которое мы могли бы оказать, если бы смогли перейти от пропаганды конкретного учения к пропаганде универсальных идей. Позвольте мне изложить это в более широком контексте.

Я жил в Дании до 1987 года, потом переехал в Соединённые Штаты. Там я прожил 22 года, а затем переехал в Эстонию, где прожил пять лет (с десятью месяцами в Швеции). Затем я вернулся в Данию в 2014 году. Дело в том, что я вырос посередине между капиталистическим Западом и коммунистическим Востоком. Я жил в самой капиталистической стране мира, и я жил в бывшей советской республике. Во время моего пребывания в Эстонии я изучал, как люди реагировали на то, что их заставляли жить в коммунистическом обществе.

Кое-что бросалось в глаза. Во-первых, я спросил одного хорошего друга, как они смотрят на потенциальную войну, особенно ядерную, которой я так боялся в детстве. Он отве-

тил, что они никогда особо не беспокоились об этом, потому что знали, что большая часть российских технологий просто не будет работать. Жаль, что я не знал этого в 12 лет.

Я также понял, что в Эстонии почти никто никогда не верил в коммунизм. В моём детстве значительная часть датских интеллектуалов твёрдо верила в коммунизм или, по крайней мере, в социализм. Я не сомневаюсь, что в 1960-е и 70-е годы в Дании было гораздо больше верующих в социализм, чем в любой другой стране Восточной Европы. Так почему же люди не верили в марксизм, когда испытывали его на собственном опыте? По той же причине, по которой я не верил в христианство и материализм: теория не может превзойти ваш повседневный опыт. Не имеет значения, насколько сильно пропагандируются принципы марксизма, если в магазинах пустые полки, и вам приходится стоять в очереди в течение двух часов, чтобы купить буханку хлеба.

Эпоха идеологии закончилась

Однажды, когда я размышлял о невероятных исторических переменах, которые пережило эстонское общество, меня осенило: падение Советского Союза ознаменовало конец «века идеологии»!

Просто посмотрите, что делали наши общества в течение последних тысяч лет. Начиная с греческого философа Аристотеля (возможно, даже раньше), мы были в поисках абсо-

лютной истины. Мы искали единственную истинную религию, окончательную политическую теорию и научную теорию всего. Что мы делали? Мы смотрели на жизнь, основываясь на мысли, что если мы найдём окончательную теорию, то сможем решить все наши проблемы. Но где мы искали эту теорию? Что ж, за пределами нас самих. Одно из самых монументальных событий в западной истории произошло в 325 году, когда император Константин создал Римско-Католическую Церковь как инструмент осуществления политической власти и контроля над народом. Более тысячи лет этот институт доминировал в жизни и мышлении Западной Европы. Главный подход, лежащий в основе католического христианства, был таков: можно создать теорию, идеологию, систему мышления, набор доктрин, а затем заставить людей жить в соответствии с этой системой. И это принесёт пользу, то есть решит проблемы общества и сделает людей довольными, даже счастливыми.

Что такое коммунизм? Ещё один пример того же подхода. На этот раз именно теории Карла Маркса были использованы для формирования идеологии, а затем она была навязана обществу. Те, кто действительно верил в марксизм, имели тот же базовый подход, что и верующие христиане. Они были убеждены, что идеология марксизма может решить все проблемы общества и сделать людей счастливыми.

Итак, почему Католическая церковь, как бы она ни была готова пытаться или убивать своих собственных членов, поте-

ряла свою власть над обществом? Почему коммунизм, как бы он ни был готов пытаться или убивать своих собственных граждан, потерял свою власть над обществом? Для меня ответ очевиден и его можно описать, обратившись к научному закону, называемому вторым законом термодинамики. Этот закон гласит, что в замкнутой системе беспорядок и хаос (энтропия) будут возрастать до тех пор, пока система не разрушится. Иначе говоря, замкнутая система рано или поздно самоуничтожится.

Средневековый католицизм был замкнутой системой. Все альтернативные взгляды на жизнь были запрещены как ересь, вплоть до сожжения большинства книг. Система создала высокоструктурированное общество, в котором большинство людей были фактически рабами небольшого меньшинства дворян, королей и церковных чиновников. Это привело к различным формам напряжённости, и система вынуждена была становиться всё более репрессивной, чтобы поддерживать себя. Инквизиция и охота на ведьм – очевидные примеры этого. То же самое и с коммунизмом. Советский Союз был отрезан от остального мира, и Сталин был готов убить 21 миллион советских граждан, чтобы сохранить свою власть. Это создало очевидное напряжение и, в конце концов, советское общество оказалось в ситуации, когда оно должно было либо измениться, либо умереть. Тем не менее, как понял Горбачев, система не могла измениться, поэтому она рухнула под собственным весом.

Почему развалился Советский Союз? Потому что закрытая система больше не могла поддерживать себя экономически. А почему нет? Потому что она была основана на теории того, как должна работать экономика, но Советский Союз продемонстрировал, что экономика просто не работает таким образом. Можно сказать, что марксизм основывался на таком взгляде на экономику, который был сродни отрицанию силы тяготения, и гравитация в конце концов накрыла его.

Разница между наукой и материализмом

Когда я был довольно маленьким ребёнком, я понял, что является основным принципом, лежащим в основе науки. Я видел, что наука развивалась благодаря католической церкви и её так называемым непогрешимым доктринам, включая некоторые утверждения, которые, как я знал, были ложными. Я видел, что истинная цель науки – привести общество в эпоху, в которой не доминируют человеческие верования, суеверия и теории. Настоящая цель науки – выйти за рамки всех теорий, и вместо этого провести наблюдения и эксперименты, чтобы определить, как на самом деле устроен мир. Цель состоит в том, чтобы создать общество, которое не основано на идеологии, религии или теории того, как, по мнению кого-то, должна работать Вселенная. Вместо этого наше общество было бы основано на наблюдениях и экспериментах, которые показывают, как на самом деле устроен мир. Я

думаю, что именно это является обещанием науки.

Так почему же я не принял материалистическую философию? Что ж, на тот момент я не мог выразить это словами, я просто чувствовал, что утверждения «материалистической» науки противоречат моему внутреннему знанию, прежде всего тому, что я не материальное существо. Для меня было очевидно, что наука никогда не доказывала, что мы являемся материальными существами. Наука никогда не доказывала, что за пределами материальной Вселенной ничего нет. Наука никогда не доказывала, что нет духовного мира за пределами материального.

Сегодня я объясняю это тем, что материализм – это просто ещё одна идеология, ещё одна теория, ещё одна попытка определить, как, по мнению некоторых людей, должен быть устроен мир. Тем не менее, с раннего детства я знал, что это противоречит моим ощущениям того, как мир устроен.

Я думаю, что это доказано неспособностью материалистического общества сделать людей счастливыми. Наши современные общества стали пленниками идеологии материализма. Это превратило наши, якобы открытые, демократические государства в закрытую систему, и присущее всем закрытым системам напряжение разрушает систему. Как мы можем наблюдать распад системы? Что ж, нигде не проявляется это так очевидно, как в росте психических заболеваний и психологических проблем, включая тот очевидный факт, что материальное богатство автоматически не ведёт к психо-

логическому благополучию.

На мой взгляд, рост психологических проблем – это сигнал нашим современным обществам о том, что мы зашли в тупик и должны выбраться оттуда, пока система не рухнула под собственной тяжестью. Как нам выбраться из тупика? Нужно осознать, что «эпоха идеологии» закончилась. Пришло время отпустить мечту о том, что однажды мы найдём окончательную теорию, которая позволит нам решить все проблемы общества и сделать людей счастливыми. Пришло время отказаться от стремления разработать теорию, а затем использовать наши ресурсы, чтобы попытаться заставить Вселенную соответствовать нашей теории. Когда мы не можем заставить Вселенную, мы стремимся заставить других людей, думая, что это докажет правильность теории.

Вместо этого мы должны принять открытый подход, постоянно наблюдая за собой и отслеживая, что же делает нас счастливыми на самом деле. Вместо того, чтобы думать, что мир и наша психика должны работать определённым образом, мы должны смотреть на то, как всё на самом деле работает. Нам нужно посмотреть, что мы за существа, и как функционирует наша психика. Нам нужно перестать искать ответы вне себя и вместо этого заглянуть внутрь себя. И для меня это суть духовности. Духовные люди – это (в идеале) учёные, которые экспериментируют с психикой и наблюдают, как она на самом деле работает; а не как какой-то Папа, учёный или гуру говорят, как она должна работать.

Нам нужно перестать искать ответы в дальних уголках космоса. Нам нужно заглянуть внутрь себя и осознать, что на личностном уровне наше счастье и благополучие в первую очередь определяются условиями нашей психики. Даже на уровне общества ключом к решению большинства проблем является понимание психологической составляющей этих проблем. Позволим ли мы небольшой элите финансистов держать нас в качестве экономических рабов системы, основанной на жадности (что, несомненно, продемонстрировал финансовый кризис 2008 года), или мы найдём более милосердный подход в экономике? Что ж, это зависит от того, какими существами мы себя считаем. Разве мы существа, которые могут быть разделены на две категории: одни – хозяева, другие – рабы? Или есть только один тип людей, и все мы имеем равные права и заслуживаем равных возможностей определять свою собственную судьбу?

Что я имею в виду под открытым подходом? В эпоху идеологии нами двигала вера в то, что мы, люди, можем определить некую абсолютную или высшую истину. Что нам нужно, так это отказаться от этого замкнутого подхода. Вместо этого нам нужно взглянуть на историю и осознать, что прогресс – это непрерывный процесс, у которого нет конца.

История показывает нам, что мы, люди, постепенно повышаем своё понимание и осознание. История также показывает нам, что этот подъём не был устойчивым, потому что был ряд периодов, когда прогресс застаивался. Что тормо-

зило прогресс? Прогресс прекращался, когда общество принимало закрытую идеологию, которая утверждала, что имеет некоторую истину, за пределы которой мы не можем выйти. Однако история доказала, что все эти «непогрешимые» истины в конечном счёте были заменены более высоким пониманием.

Действительно ли нам нужно идти в ту же ловушку, в которую попали многие прошлые цивилизации, думая, что нынешнее понимание является самым высоким из возможных? Разве мы не можем просто совершить квантовый скачок и признать, что прогресс будет продолжаться, и что человечество будет достигать всё более высокого понимания всех аспектов жизни? Разве мы не можем просто принять, что, если мы хотим идти в ногу с прогрессом, а не быть пойманными в ловушку, мы должны всегда быть открыты для понимания, которое выходит за рамки того, что мы имеем в настоящее время? Вместо того, чтобы пытаться защитить нашу «непогрешимую» истину, мы всегда открыты для следующего откровения, которое поможет нам сделать следующий шаг на бесконечной лестнице прогресса.

Проблема религии и науки

Говоря о «научном» материализме, я поставил слово «научный» в кавычки. Это потому, что я не считаю, что материализм имеет какое-либо отношение к науке. Как я уже сказал,

глубочайшая цель науки – освободить людей и общество от теорий, чтобы мы могли основывать свою жизнь не на мечте о том, как должен работать мир, а на опыте того, как он на самом деле работает. Материализм не имеет ничего общего с этой целью. Материализм – это политическая идеология, которая захватила науку. Она использует науку только как способ продемонстрировать свой авторитет и заставить людей принять её взгляд на жизнь (как религия использует Бога и Иисуса, чтобы претендовать на авторитет). Это ещё одна попытка сформулировать теорию и попытаться привести Вселенную в соответствие с ней.

На базовом уровне наука является основным инструментом для того, чтобы увести людей и общество от религиозных суеверий, господствовавших в Средние века, в так называемые тёмные века. Однако на более глубоком уровне наука может стать инструментом, который полностью выведет нас из эпохи идеологии, эпохи, когда мы пытались создать искусственную теорию и заставить Вселенную работать в соответствии с этой теорией.

Большая ирония заключается в том, что наука оказалась в оппозиции к религии только потому, что первоначальное предназначение религии было искажено. На мой взгляд, научный материализм имеет столько же общего с чистой наукой, сколько католицизм с чистой духовностью. Изначальная цель духовности – дать нам возможность жить счастливой и полноценной жизнью. Духовные учения должны бы-

ли дать нам ценностный ориентир для того, чтобы мы жили в соответствии с тем, как на самом деле работает мир и наша психика, тем самым давая нам знания и инструменты для достижения господства над нашими психологическими условиями.

Очевидно, что некоторые из этих древних духовных учений были выражены в эпоху, когда люди имели меньше знаний о том, как устроен мир, чем мы имеем сегодня. Таким образом, меня поражает, когда христиане-фундаменталисты верят, что ни одно духовное существо не может рассказать нам о духовной стороне жизни сегодня больше, чем то, что было сказано 2000 лет назад. Я пришёл к пониманию, что первоначальные учения Иисуса описывали путь, который поможет нам обрести ментальную свободу. Эти учения были захвачены католической церковью (а позже и лютеранскими церквями) и использованы в качестве оправдания политического контроля. Наука вывела нас из-под этого контроля, но теперь материализм использовал науку для создания новой формы ментального контроля. Мне кажется смешным, что те, кто пропагандирует материализм, не могут понять, насколько его подход похож на подход средневекового христианства. Материалисты просто стремятся утвердить себя в качестве неоспоримого авторитета общества, как это делали католические священники в тёмные века. Когда же мы это поймём?

Для меня очевидно, что духовность должна быть откры-

той деятельностью, которая постоянно совершенствуется по мере изменения общества и изменения потребностей людей. Рост проблем с психическим здоровьем доказывает, что христианство совершенно не сумело приспособиться к меняющимся временам и дать людям то, в чём они нуждаются в современном, сложном мире. Если бы христианство выполнило свою обязанность помогать людям решать фундаментальные вопросы, я не думаю, что возникло бы то количество психологических проблем, которое мы имеем сегодня. Конечно, вопрос в том, сможет ли официальное христианство адаптироваться, учитывая его отправную точку? Но об этом я расскажу позже.

Для меня нет внутреннего противоречия или конфликта между чистой духовностью и чистой наукой. Наука, естественно, сосредоточена на материальной стороне жизни. Это вопрос использования наших физических чувств и инструментов, нашего рационального ума, чтобы наблюдать за материальным миром и выводить закономерности. Духовность, естественно, сосредоточена на мире, который находится за пределами физических чувств, включая более глубокие аспекты психики. Мы также можем делать наблюдения о том, как работает психика, а затем использовать другую способность нашего разума, часто называемую интуицией, чтобы увидеть закономерности. В идеале я рассматриваю научное исследование и духовное исследование идущими рука об руку.

Элитарность – это непризнанная проблема

Так как же мы вообще пришли к расколу между наукой и религией, и почему наши современные общества затягивают нас в этот конфликт, будучи не в состоянии сказать нам о том, что мы за существа и как сделать нас счастливыми? Что ж, это тема, которую я прокомментирую позже, когда дам более подробную информацию и, следовательно, смогу объяснить, как я пришёл к своему выводу. Позвольте мне намекнуть на один из способов ответа на этот вопрос, указав на основное наблюдение.

Когда я смотрю на историю, я вижу закономерность, о которой мне никогда не рассказывали в школе. В каждом обществе возникает такая тенденция – небольшая элита занимает положение власти и привилегий, где она в основном доминирует над населением. На мой взгляд, именно этой элитарности и должна положить конец демократия. Однако сейчас мы видим возникновение обществ, где власть и привилегии приобретаются не с помощью физической силы, а с помощью экономической. Как показал финансовый кризис 2008 года, наши современные демократические государства допустили развитие ситуации, в которой большая часть богатства концентрируется в руках немногочисленной элиты. А их хватка за экономику создала ещё одну закрытую систему, которая в 2008 году грозила крахом мировой экономике.

Поэтому я бы предположил, что конец эры идеологии – это также конец «эры элитарности». В конце концов, разве не эта элита пыталась использовать идеологию для доминирования над населением? Не была ли идеология (от католической церкви, коммунизма и до научного материализма) просто инструментом, заставившим людей принять мировоззрение, которое установило власть и привилегии небольшой элиты? Те, кто определяет, как должен работать мир, могут определить его таким образом, чтобы общество работало на них.

Я хочу вернуться к тому, что я сказал о духовных людях, оказывающих влияние на общество. На мой взгляд, мы можем только надеяться на конструктивность, понимая, что эпоха идеологии закончилась. Мы прошли через эру католицизма, эру марксизма и эру материализма, но решение состоит не в том, чтобы возвестить эру определённой духовной идеологии. Я не думаю, что общество когда-либо примет определённое духовное учение или гуру. Но на общество могут влиять определённые универсальные представления о том, как работает психика, и что делает людей счастливыми.

На мой взгляд, эпоха идеологии закончилась, и пришло время отказаться от мечты о конечной теории или системе. Пора прекратить попытки заставить Вселенную и нас самих функционировать в соответствии с теорией. Пора даже перестать мечтать о создании утопического общества, в котором все проблемы решены и все люди счастливы. Такое об-

щество было бы ещё одной замкнутой системой и самоуничтожилось бы, в силу той же исторической необходимости, которая привела к самоуничтожению марксистских обществ. Вместо этого, я думаю, мы должны осознать: задача обнаружения способа быть счастливыми – это непрерывный процесс, который будет продолжаться бесконечно. Вместо того, чтобы постоянно надеяться найти какой-то конечный результат, мы должны принять этот процесс. И это подводит меня к следующей теме, о которой я хочу поговорить.

3 | Можем ли мы меняться?

Я помню одну популярную песню на датском радио, когда мне было два или три года. Это была песня отца своему сыну, и каждый куплет был о чём-то плохом, что случилось с ним. В припеве были слова: «Сын мой, я желаю тебе, чтобы ты стал лучше, чем я». Однажды отец спел мне эту песню, и когда он запел эти слова, я очень расстроился, запрыгал и закричал: «Нет, папа, ты тоже станешь лучше, ты тоже станешь лучше!» В этом суть моего психологического портрета. Даже будучи ребёнком, я посвятил себя самосовершенствованию и помогал другим людям делать то же самое. Вся моя жизнь вращалась вокруг самосовершенствования, и под этим я, прежде всего, подразумеваю совершенствование своего ума, сознания, психики. Тем не менее, это не было просто эгоцентризмом, потому что в основе этого была цель – улучшить условия для других людей.

Как общество может объяснить то, что я родился с этой страстью? Согласно христианству, всё создано Богом. Основное предположение должно заключаться в том, что Бог создал каждого из нас с тем психологическим портретом, который у нас есть. Таким образом, Бог, якобы, создал всю мою семью без какого-либо интереса к самосовершенствованию, а затем он создал меня с доминирующим интересом к само-

совершенствованию и поместил меня среди людей без этого интереса. Напрашивается вопрос – для чего всемогущему Богу понадобилось создавать меня со страстью к самосовершенствованию? Если он хотел, чтобы я достиг высшего состояния, почему бы не создать меня в этом состоянии? Более того, если всё, что мне нужно сделать, – это ждать, пока Иисус придёт и спасёт меня, зачем мне нужно стремление изменить себя? Согласно официальной христианской доктрине, я существо, неспособное к изменению, я грешник, которому только и остаётся жить по христианским правилам и надеяться, что Иисус спасёт меня. Так почему же у меня было это стремление измениться?

Материализм также не даёт никакого объяснения, которое имело бы для меня смысл. На уроке биологии мне сказали, что моё тело и мозг являются продуктом моего генетического наследия (ни у кого в моей семье нет гена самосовершенствования). Позже мне сказали, что моя психологическая структура является продуктом материальных процессов моего мозга. Другими словами, из-за моих генов я родился с определённым психологическим портретом, и я ничего не могу с этим поделать. Психология говорит мне, что на мой психологический портрет также влияет моё окружение и моё воспитание, но опять же, ничто в моём воспитании не стимулировало никакого стремления к самосовершенствованию. Материализм ясно показывает, что я не в силах изменить свои гены, основные функции мозга или своё

прошлое. Материализм говорит, что я существо, неспособное к изменению, так почему же у меня было стремление к изменению себя?

Обе эти авторитетные системы мировоззрения изображают меня существом, психологический портрет которого является продуктом факторов, над которыми я практически не властен. Таким образом, по мнению всех экспертов моего общества, я существо, неспособное к изменению. Я статичное существо, и я мало что могу с этим поделать. Я не могу сознательно принять решение изменить свой психологический облик и стать другим человеком.

Как объяснить то, что я страстно стремился изменить себя с раннего детства, если у меня, якобы, нет для этого способностей? Как можно объяснить, что я действительно коренным образом изменил свой психологический облик, и что миллионы духовных людей сделали то же самое? Допустил ли Бог ошибку, когда создавал эти миллионы людей? Или какая-то генетическая мутация дала нам желание улучшить себя, желание, которое другие гены никогда не смогли бы реализовать? Или нам нужно заглянуть за пределы двух доминирующих систем мировоззрения нашего времени, чтобы найти объяснение?

Конечно, я не говорю, что официальные системы мировоззрения совершенно неверны. Действительно, есть много людей, у которых нет желания совершенствоваться, и которые, как кажется, хотят жить определённым образом, ниче-

го при этом не меняя. Большинство членов моей семьи являются примером этого. Они жили или живут так, как будто наша основная психология – это то, что мы не можем изменить. Когда мы достигаем зрелости, наша жизнь встаёт на определённые рельсы, и мы мало что можем с этим поделать.

Есть ли реальная надежда или только воображаемая?

Как я уже говорил, с самого раннего возраста я остро осознавал, что живу в мире, который нуждается в большом улучшении. Войны и человеческие конфликты – это то, что я никогда не считал естественным или неизбежным. Согласно христианству и материализму, у нас есть мало надежды на преодоление наших конфликтов. Но как же тогда объяснить, что мы действительно добились некоторого прогресса в преодолении конфликта? Разве наши современные демократические государства не являются наглядным свидетельством того, что мы стремимся к более свободному и мирному обществу? И разве они также не демонстрируют, что мы можем изменить себя и мирно решать все человеческие конфликты? После многовековой борьбы у нас теперь есть группа государств, которые привержены ненасильственному разрешению конфликтов. Так разве сам факт того, что у нас теперь есть демократия, не доказывает, что мы способны измениться?

В детстве я читал книгу о людях каменного века и о том,

как они боялись выходить из своих хижин после наступления темноты (яркий пример того, как наша психология ограничивает нас). Когда я сравнил их материальный уровень жизни со своим собственным, я был поражён большим прогрессом, которого мы достигли. Разве этот технический прогресс не доказывает, что мы являемся существами, способными к изменению, что мы способны улучшить наше внешнее положение?

На мой взгляд, человечество находится на пути, который постепенно ведёт к прогрессу. Всё, что нам нужно, это сделать следующий логический шаг и осознать, что, поскольку мы способны изменить наши внешние обстоятельства, мы также способны изменить наши внутренние обстоятельства. На Востоке есть общества, где существует очень древняя традиция систематически поднимать сознание людей выше того, что мы сегодня называем нормальным. Как я обнаружил в возрасте 18 лет, у них есть тысячелетняя традиция постепенного, систематического пути, который может привести любого, кто хочет подняться над конфликтным состоянием сознания и прийти к состоянию внутренней гармонии. Как я узнал позже, у нас на Западе тоже есть такая традиция, но, к сожалению, она активно подавлялась сначала католической инквизицией, а затем материалистической. Я всегда знал, что мы, люди, способны сознательно и целенаправленно менять себя, то есть свой психологический облик. Если бы это было не так, то не было бы никакой надежды на улуч-

шение общества или «положения людей». Если у нас нет надежды на улучшение, тогда зачем мы беспокоимся? Наши современные демократические государства основаны на надежде на улучшение, поэтому представьте себе, что мы сделаем сдвиг и будем более сознательно помогать людям улучшать их психологический облик, чтобы они смогли достичь психологического благополучия и душевного равновесия.

Давайте посмотрим на это с точки зрения свободы. Демократия даёт своим гражданам больше политических и экономических свобод, чем диктатура. Однако, как показывает рост психических заболеваний и депрессии, предоставление нам внешних свобод не обязательно означает, что мы свободны. Что действительно ограничивает нас, так это внутренние условия нашей психики. Мой отец был политически свободным человеком, но он не был свободен психологически. Я не был психологически свободен в первые десятилетия своей жизни, но теперь я достиг гораздо более высокой степени психологической свободы. Я рассматриваю это как следующий шаг для современных обществ, когда мы переходим от сосредоточения на внешней свободе к помощи людям в достижении внутренней свободы, ментальной свободы, психологической свободы. Свобода сознательно выбирать своё состояние ума вместо того, чтобы оно определялось нашими реакциями на внешние условия.

Все верят в то, что мы можем меняться

Наше общество не может многого объяснить, потому что не разрешило конфликта между христианством и материализмом. Мы не сделали этого отчасти потому, что не были готовы к открытой дискуссии, которая могла бы показать нам внутренние противоречия в обеих системах мышления. И это относится к тому, как мы себя видим.

Официальные христианские доктрины утверждают, что мы рождаемся грешниками, и следствием такого видения является то, что мы не в силах изменить себя. Вы тот, кем вас создал Бог. Вы созданы с психологией, которая определяет вас. Но христианство не оставляет людей без надежды. Оно говорит, что мы можем избежать нашего состояния греха, но только не в этом мире, а в следующем. Нам нужен внешний Спаситель, который возьмёт нас на Небеса, но это может произойти только в том случае, если мы повинемся внешней Церкви, которая, якобы, представляет этого Спасителя на Земле. Итак, с одной стороны, христианство даёт нам надежду, но оно также говорит, что спасение не в этом мире, а в грядущем.

В то же время христианство стремится активно влиять на внешнее поведение людей, заставляя их следовать набору правил. Если мы действительно не способны меняться, то зачем пугать нас этими правилами? И что может заставить нас следовать этим правилам, если мы не способны сознательно менять себя? И если мы совершенствуемся, то зна-

чит мы больше не грешники? Другими словами, христианство действует так, как будто оно действительно верит, что мы существа, способные к изменению. Мы можем быть вынуждены изменить наше поведение извне, но мы не можем решить изменить его изнутри.

Проблема в том, что христианство не изменилось со временем. Оно не осознало, что в современном мире люди знают и понимают о жизни гораздо больше, чем тогда, когда определялись христианские доктрины. Христианство не сумело приспособиться к тому, что в демократическом обществе страх попасть в ад больше не является основным мотивирующим фактором. Как я уже говорил, христианство оформилось, когда император Константин сделал его официальной религией Римской Империи. В этот момент христианство стало политическим аппаратом контроля над людьми и оставалось таковым более тысячи лет (в какой-то степени так оно и остаётся). В результате общество оставалось тем же и держало население в рабстве у небольшой элиты королей, духовенства и знати. Такое общество поддерживалось за счёт страха. Люди не могли свергнуть феодальные общества, потому что боялись их вождей. Они боялись вечно гореть в аду, если пойдут против Закона Божьего. Идти против короля и знати – значит идти против Церкви, а это значит идти против Бога.

Однако с появлением современных демократических государств мы создали принципиально иное общество. Демократические государства создали принципиально иное общество. Демократические государства создали принципиально иное общество.

кратические граждане не боятся своих лидеров. Мы не боимся власти. Таким образом, христианская система мышления, которая была определена в то время, когда люди боялись власти, больше не имеет силы в наше время. Христианство не смогло приспособиться и изменить свои доктрины. Оно не смогло перейти от удержания людей в страхе к тому, чтобы дать им реальное понимание. Вот почему христианство не может предложить людям никакой помощи в решении их психологических проблем в современном, сложном мире. Вот почему, будучи ребёнком и юношей, я не нашёл ничего действительно ценного в христианской религии, и то же самое верно для миллионов духовных людей. Я думаю, что это справедливо даже для многих миллионов людей, которые не осознают, что они духовно открыты.

Теперь давайте посмотрим на материализм. Одним из видных сторонников материализма является английский профессор Ричард Докинз. С одной стороны, он утверждает, что мы являемся продуктом наших генов, и что мы не в силах сознательно изменить нашу генетическую структуру. Он также утверждает, что всё, что происходит в нашем сознании, является продуктом чисто материалистических процессов в нашем мозге. В то же время он был вовлечён в десятилетний крестовый поход искоренения религии и превращения всех людей в материалистов. Но почему я должен верить в то, что он говорит, если он сам в это явно не верит?

Вот что на самом деле говорит Докинз: я – продукт моих

генов и электрохимических процессов моего мозга, и у меня нет сознательного контроля ни над одним из этих факторов, потому что разум не может изменить материю. Поэтому то, что я вижу себя духовным существом, это просто влияние генов (оно никак не может быть продуктом моего воспитания, так как это воспитание было явно антидуховным). В то же время он говорит мне, что мой духовный взгляд на жизнь ошибочен, и что я должен принять сознательное решение отказаться от него и принять материалистический взгляд на жизнь. Но если я действительно невольный продукт своих генов, то какая способность даёт мне возможность изменить своё мнение и стать материалистом? Разве мне не пришлось бы сознательно перекодировать свои гены, чтобы принять материалистическую точку зрения Докинза? И согласно этой точке зрения, мой мозг первичен, а ум вторичен, поэтому мой ум не имеет власти над моим мозгом. Итак, если он действительно верит в это, почему бы ему просто не закрыть рот вместо того, чтобы говорить людям делать то, что по его религии они делать не могут? Почему бы ему просто не подождать, пока эволюция уничтожит гены, которые заставляют людей верить в религию, вместо того, чтобы думать, что он должен протянуть эволюции руку помощи?

Есть ещё один сторонник материализма по имени Сэм Харрис. Он написал книгу, в которой отрицает, что мы, люди, обладаем свободной волей. Итак, с одной стороны, он приводит аргументы в пользу того, почему у нас нет свобод-

ной воли, но, очевидно, он не верит в свою собственную аргументацию. Почему я так говорю? Потому что цель его книги – убедить меня в том, что я ошибаюсь, когда думаю, что у меня есть свободная воля, и поэтому я должен сознательно принять решение отказаться от своей позиции и принять его позицию. Но если у меня действительно нет свободной воли, то какая способность позволит мне совершить такое изменение?

Моя точка зрения проста. Даже самые откровенные сторонники материализма не верят, что мы являемся существами, которые не могут меняться. Сам факт того, что они пытаются убедить других людей изменить своё мнение, доказывает, что они должны верить, что люди способны изменить своё мнение. Это означает, что мы принципиально пластичные существа. У нас есть способность сознательно и целенаправленно менять себя. Это означает, что мы не являемся исключительно продуктом нашей генетической структуры. Это доказывает, что не всё, что происходит в нашем сознании, является продуктом материалистических процессов мозга. Для меня всё это доказывает, что мы не материальные существа.

Я не говорю, что на нас не влияют материальные условия, такие как наши гены, химия нашего мозга и наше воспитание. Я говорю, что мы не являемся исключительными продуктами этих материальных условий, потому что, если бы мы были ими, мы не могли бы менять себя. И если мы не можем

менять себя, то прогресс, который мы наблюдаем в обществе, не имеет смысла и не должен был произойти. Более того, наша личная жизнь не имела бы никакого смысла. Большинство людей недовольны своим нынешним состоянием, и, если бы не было надежды на его улучшение, жизнь была бы невыносимой.

Я согласен с наукой, что природа и воспитание действительно влияют на нас. Я согласен с тем, что большинство людей настолько подвержены влиянию условий, в которых растут, что уже просто не пытаются что-либо изменить (мой отец типичный пример). Но я также вижу, что у нас, людей, есть потенциал подняться над нашим воспитанием и отказаться следовать по этому предопределённому пути. Я вижу, что у нас есть способность сознательно преодолеть те обстоятельства, которые были даны нам при рождении. Я вижу, что мы можем претендовать на нашу свободу переделывать свою психологию. Мы можем сами определять свой жизненный опыт. Мы можем создавать тот опыт, который хотим.

Мне всегда было ясно, что я могу изменить свой психологический портрет. В течение 44 лет это было главным фокусом моей жизни, и, учитывая, как сильно я на самом деле изменился за это время, я чувствую, что мой опыт подтверждает, что мы, люди, действительно можем изменить себя. Теперь нам нужно подумать, как мы могли бы это сделать, но сначала я хочу поговорить о проблеме, которая доминировала в моём детстве и юности, а именно – почему мы, лю-

ди, ни в чём не можем договориться.

4 | Почему мы все не можем поладить?

Ещё одна проблема в объяснении нашего сложного общества может быть выражена в старом вопросе: «Почему мы все не можем просто поладить?» В детстве я был глубоко потрясён человеческими разногласиями и конфликтами, особенно войной, чего я просто не мог понять. Мне было очень больно осознавать, что я нахожусь на планете, где люди регулярно решают массово истреблять других людей, даже женщин и детей. Это выразилось в очень сильную потребность понять, почему между людьми так много конфликтов. После изучения психологии и духовных учений более 40 лет я нашёл объяснения, которые имеют для меня смысл. Эти объяснения сложны и состоят из нескольких уровней, но я начну с того, что считаю самым основным или универсальным.

Я хочу вернуться к тому, что я сказал о завершении Эпохи Идеологии. Почему мы вообще попали в эту эпоху? Почему у нас, людей, есть эта обсессивно-компульсивная потребность создавать теории, которые, предположительно, могут всё объяснить? И почему у нас есть ещё более сильная потребность в том, что, когда мы думаем, что у нас есть такая теория, мы просто должны заставить Вселенную и дру-

гих людей соответствовать этой теории? А если другие люди не согласятся, то мы чувствуем, что невероятная важность распространения нашей теории оправдывает убийство или, по крайней мере, принуждение людей.

Пирамида человеческих потребностей

Чтобы объяснить это, позвольте мне обратиться к известному американскому психологу по имени Абрахам Маслоу. Он изучал человеческие потребности и сказал, что всё, что происходит в нашей психике, связано с какой-то потребностью. Маслоу создал иерархию человеческих потребностей, которую часто изображают в виде пирамиды.

По словам Маслоу, в этих потребностях наблюдается определённый прогресс. Например, очевидно, что одна из физиологических потребностей заключается в том, что нам нужно есть. Если вы действительно голодны, любые потребности, находящиеся выше в пирамиде исчезают из вашего сознания, и потребность в еде становится доминирующей. Точно так же, если вы чувствуете, что ваша жизнь находится под угрозой, получение уважения со стороны окружающих внезапно перестаёт казаться таким важным. Однако, когда эти основные потребности удовлетворяются, они исчезают из нашего внимания, а высшие потребности становятся более важными. Когда ваш живот полон, вы сосредотачиваетесь на других аспектах жизни. Давайте просто кратко рас-

смотрим потребности, описанные Маслоу, снизу пирамиды и вверх:

Физиологические потребности.

Эти потребности связаны с краткосрочным выживанием физического тела. Нам нужно дышать, пить, есть и спать. Мы нуждаемся в защите от непосредственных угроз нашей жизни.

Потребности в охране и безопасности.

Эти потребности связаны с долгосрочным выживанием организма. Нам нужна долгосрочная физическая безопасность и чувство, что наши основные потребности удовлетворены.

Потребности в любви и принадлежности.

Когда мы чувствуем, что как-то позаботились о выживании тела, наше внимание сосредотачивается на удовлетворении потребностей, выходящих за рамки физического выживания. Это включает потребности супруга, друзей и чувства принадлежности к семье, сообществу, религии, политическому движению или любой другой группе.

Потребность в уважении.

Эта потребность связана с самооценкой. Маслоу говорил о двух уровнях потребности в уважении. Нижний уровень относится к уважению, которое мы получаем извне, например, от супруга, детей, друзей, начальства на работе или в обществе в целом (слава). Более высокий уровень – это ува-

жение, которое мы получаем изнутри, а именно самоуважение. Это происходит от знания, что мы за существа, и что у нас есть внутренняя ценность. Когда мы обретаем чувство собственного достоинства, его гораздо труднее потерять, чем уважение других.

Эти потребности Маслоу называет потребностями дефицита. Это означает, что мы замечаем их только тогда, когда они не удовлетворены. Другими словами, если удовлетворяются более низкие потребности, они исчезают, и у нас остаётся внимание, чтобы сосредоточиться на более высоких потребностях.

Например, во всех современных демократических странах на протяжении десятилетий у нас существует ситуация, когда большинству людей не нужно беспокоиться о физиологических потребностях и потребностях в безопасности. Большинство людей знают, что им будет где жить, достаточно еды и одежды. Они также знают, что живут в относительно безопасной стране, где мало внутренних угроз и относительно мало внешних угроз. Это означает, что в демократическом мире большинство людей сосредоточено на потребностях в любви и принадлежности, в уважении, а некоторые переходят от потребностей дефицита к более высоким потребностям, которые Маслоу назвал потребностями самоактуализации.

Доминирующая, но непризнанная потребность человека

Чтобы объяснить человеческий конфликт, я выйду за рамки концепции Маслоу, потому что я пришёл к выводу, что Маслоу и большинство других психологов упустили из виду некоторые из наиболее доминирующих человеческих потребностей. Позвольте мне провести различие. У людей есть физические тела, которые запрограммированы на обеспечение выживания нашего вида. Таким образом, две низшие потребности, определённые Маслоу, во многом основаны на потребностях организма, а именно – питании, размножении и физической безопасности. Эти потребности мы часто называем инстинктами, что означает, что они запрограммированы в нашем теле и нашем подсознании. В некотором смысле мы могли бы сказать, что физическое выживание – самая основная потребность, но я не считаю это самой основной потребностью человека. Выживание – это самая основная потребность нашего тела, но это не человеческая потребность, потому что не наши тела делают нас людьми.

То, что делает нас людьми, – это наш разум или наша психика. Согласно пирамиде Маслоу, мы больше, чем наши тела, и поэтому у нас есть более высокие потребности. На мой взгляд, это также подтверждается развитием искусства, литературы и любой формы культуры. Вот почему я говорю, что физиологические потребности и потребности в физической безопасности почти животные, они инстинктивны по отношению к нашему телу. Если мы чувствуем, что другой

человек угрожает нашей жизни, мы можем убить этого человека, чтобы обеспечить собственное выживание.

Как я уже сказал ранее, я не знаю животных, способных сознательно и намеренно изменять своё поведение. Мы же можем это сделать, потому что мы, люди, обладаем самосознанием. У этой способности много разветвлений, о которых я расскажу позже. В этом контексте я сосредоточусь на одном аспекте, а именно на том, что самосознание даёт нам возможность прогнозировать то, что может произойти в будущем. Согласно научному консенсусу, олень, пасущийся на лугу, сознательно не боится нападения волка. У него есть инстинктивное программирование, которое заставляет его очень быстро реагировать на угрозу, но олень сознательно не думает о будущем. Очевидно, что мы, люди, думаем о будущем, и это указывает на основную человеческую потребность.

У людей есть определённые инстинкты, но мы также способны сознательно думать о том, как мы следуем этим инстинктам или не следуем им. Мы сознательно осознаём, что делаем, и поэтому основная потребность человека состоит в том, чтобы иметь некоторое представление о том, как работает наша среда и как мы можем к ней относиться. Позвольте мне сравнить это с прогрессией, подразумеваемой в пирамиде Маслоу.

Развитие человеческих потребностей

Если мы обратимся к нашим предкам, которые жили в культуре охотников-собирателей, то они в первую очередь ориентировались на свои физиологические потребности. У них была потребность понять окружающую их среду, например, какая пища была доступна, где и когда, какие хищники присутствовали, и какие погодные условия могли им угрожать. Тем не менее, по словам антропологов, они также разработали некоторые идеи о том, что стоит за природными явлениями, например, о природных духах или богах. На мой взгляд, это выражение нашей потребности понимать и объяснять окружающую среду.

Благодаря способности прогнозировать будущее, у нас также есть возможность выявлять причинно-следственные связи. Наши предки заметили, что по мере того, как дни становятся короче, в небе начинают появляться птицы, летящие в определённом направлении. Они узнали, что с наступлением зимы птицы мигрируют. Это привело их к пониманию того, что за физическими событиями стоит невидимая причина, и это дало им необходимость понять эти скрытые причины, чтобы иметь возможность предсказывать, что произойдёт в будущем. Однако их понимание мира во многом было связано с их потребностями в физическом выживании.

Охотники-собиратели жили небольшими кочевыми племенами, которые редко контактировали с другими племенами из-за небольшого количества населения. По мере роста

населения, между племенами усиливалась конкуренция за охотничьи угодья, и это привело к фазе, когда люди стали уделять больше внимания защите от врагов людей. Во многих частях мира эта фаза продолжалась до появления современных демократий и приверженности разрешению конфликтов ненасильственными средствами. Раньше угроза нападения была сильнее, чем сегодня.

На этом этапе мы видим, что людям всё ещё нужно было объяснять своё окружение, а из соображений безопасности им нужно было объяснять присутствие врагов. Это побудило многие группы людей выработать абстрактные концепции добра и зла. Они пришли к выводу, что они – добро, а враги – зло.

Несмотря на частые конфликты, затем мы стали свидетелями развития обществ, в которых люди могли чувствовать, что их физиологические потребности и потребности в безопасности были удовлетворены до такой степени, так что они могли больше сосредоточиться на потребностях в любви и принадлежности. Теперь стало важно, чтобы люди принадлежали к чётко определённой группе, и это привело к развитию множества различных племён, культур и цивилизаций. Поскольку люди в древние времена были более изолированными (из-за отсутствия современного общения), каждая группа выработала собственное понимание того, как работала их среда и как они, как группа, вписывались в неё. Библия даёт нам важный пример того, как небольшое пле-

мя на Ближнем Востоке постепенно развило идею о том, что они были отделены от всех других людей и принадлежали к особой расе.

Библия также показывает нам, что после развития этой сильной групповой идентичности, еврейский народ перешёл на следующий уровень и начал сосредотачиваться на потребностях в уважении. В среде, где у каждого племени было их собственное божество, которое они считали имеющим отношение только к их группе, евреи развили идею, что их Бог высший, единственный, истинный Бог. Затем пришла идея, что они были избранным народом этого высшего Бога, что дало им высший уровень самооценки. Это переросло в ощущение, что определённая область была землёй, обещанной им их высшим Богом. К сожалению, эта земля уже была занята другими людьми, но евреи чувствовали, что их Бог дал им власть совершить геноцид против этих людей (если вы забыли об этом, возьмите Библию и прочитайте Второзаконие).

Конечно, я использую евреев только как пример, с которым все мы знакомы. На протяжении всей истории мы видим множество других групп людей, которые прошли через тот же процесс. Они постепенно разработали такое объяснение мира, которое поставило их в положение превосходства над некоторыми другими группами людей, возможно, даже превосходства над всеми другими группами людей. Во многих случаях это приводило к невероятным зверствам, пото-

му что эти люди считали, что божество, политическая философия, историческая необходимость или эволюционные требования оправдывают убийство тех, кто отказывался подчиняться их объяснению мира.

Я пришёл к выводу, что очень важной потребностью человека является необходимость объяснить, как работает наша среда. Теперь нам нужно понять, почему это приводит к конфликту.

Почему наше мировоззрение становится источником конфликта

Как только мы разработали объяснение, которое может рассказать нам, как работает наша среда, мы чувствуем, что оно даёт нам возможность предсказать, что произойдёт в будущем. Это даёт нам ощущение, что мы контролируем своё будущее, свою судьбу. Наша идея даёт нам чувство безопасности. Это означает, что наше мировоззрение служит для нас основным способом удовлетворения потребностей в физической безопасности, описанных Маслоу.

Можно взглянуть на это с другой точки зрения и сказать, что эта человеческая потребность проистекает из того факта, что мы живём в среде, которая содержит высокую степень неопределённости или непредсказуемости. Мы чувствуем, что в этом мире мы никогда не бываем в полной безопасности, потому что множество факторов (голод, плохая погода,

движения земли, хищники, человеческие враги, болезни – и это лишь некоторые из них) мешают нам чувствовать, что мы можем предсказать, как долго и как хорошо мы сможем жить. Эта неопределённость является основной угрозой, с которой мы сталкиваемся в этом мире, и, следовательно, ещё одна основная потребность человека – найти способ справиться с этой угрозой.

Опять же, это относится к нашему самосознанию. Если бы у нас не было самосознания, мы не могли бы прогнозировать, что в будущем мы можем голодать, умереть от наводнения или подвергнуться нападению врагов. Ни один вид животных не может предсказать собственную смерть, но мы, люди, можем. Наше самосознание даёт нам осознание того, что однажды мы умрём, и что мы можем умереть преждевременно из-за действий других людей. Поскольку мы можем предсказать, что может случиться, у нас есть основная потребность в возможности контролировать то, что произойдёт. С этой точки зрения основная потребность человека – стремление почувствовать, что мы контролируем своё будущее. Наша потребность объяснять, как устроен мир, может рассматриваться как средство достижения чувства контроля.

Это объясняет, почему мы так привязываемся к нашим объяснениям, нашему мировоззрению. Как только мы приняли объяснение, которое даёт нам ощущение контроля над окружающей средой, это объяснение становится источни-

ком нашего чувства безопасности. Если наше мировоззрение окажется неверным, то под угрозой окажется не только мнение, но и наше ощущение того, что у нас всё под контролем, и, следовательно, наше ощущение того, что мы можем жить в условиях неопределённости мира. Мы связали наше чувство выживания с идеей, и поэтому защита идеи кажется вопросом жизни и смерти. Мы буквально чувствуем, что, если наша идея находится под угрозой, наше выживание находится под угрозой. Как я уже сказал, если мы чувствуем угрозу нашему выживанию, мы действительно сможем убить других людей. Для меня это объясняет, почему мы способны убивать физически людей, чтобы защитить абстрактную идею.

Также можно сказать, что из-за неопределённости нашего окружения в сочетании с нашей способностью прогнозировать будущее, основной страх состоит в том, что с нами может случиться что-то плохое или что наши потребности не будут удовлетворены. Это может привести нас к настолько сильному страху, что он станет психологически вредным. В психиатрических учреждениях мира есть много людей, для которых такой экзистенциальный страх стал настолько доминирующим, что они просто не могут функционировать и вести нормальную жизнь. Кстати, я думаю, это доказывает, что мы больше, чем животные, больше, чем наши тела.

Исходя из этого, мы могли бы сказать, что основным движущим фактором человеческого существования является

необходимость преодолеть страх перед тем, что может произойти в будущем. Чтобы подавить этот первобытный страх и иметь возможность действовать, даже наслаждаться моментом, нам нужно развить чувство, что мы контролируем нашу ситуацию. И главный инструмент для того, чтобы почувствовать, что мы всё контролируем, – это выработать мировоззрение (религию, политическую

философию или научный материализм), которое даёт нам уверенность в том, что мы знаем, как устроен мир. Когда у нас есть такая теория и мы принимаем её как абсолютную, она может помочь нам победить экзистенциальный страх и жить, как мы это называем в нашей культуре, нормальной жизнью.

Это объясняет, почему это рассматривается как большая угроза, когда ставится под сомнение наше мировоззрение. Если, например, окажется, что наша религия ошибочна, то это не что-то поверхностное, что находится под угрозой. Это психологическая основа нашей жизни. Это тот самый инструмент, который мы использовали, чтобы функционировать. Это наше чувство психологического выживания. Таким образом, если наше мировоззрение находится под угрозой, то и само наше ощущение того, что жизнь находится под нашим контролем, находится под угрозой. В сочетании с нашим инстинктом выживания, это может заставить нас почувствовать, что, если наше мировоззрение находится под угрозой, под угрозой находится само наше выживание.

Почему мы можем убивать других людей?

Ни один вид животных не убивает представителей своего собственного вида в сколь-нибудь заметной степени. Я пришёл к выводу, что инстинкт выживания одного вида не позволяет животным убивать других особей того же вида. Очевидно, что у людей этот инстинкт выживания был подавлен каким-то фактором – это просто наблюдение, которое мы все можем сделать, глядя на историю или заголовки сегодняшних дней. Итак, ещё одна проблема нашего общества заключается в объяснении того, как люди стали способны убивать представителей своего собственного вида миллионами.

Я представил хотя бы частичное объяснение. В результате нашей потребности в любви и принадлежности мы, люди, образовали множество различных групп. Каждой группе пришлось столкнуться с экзистенциальной человеческой проблемой: как преодолеть свой страх перед будущим. Мы могли бы сказать, что неопределённость, с которой мы сталкиваемся на этой планете, делает жизнь психологически невыносимой, но, поскольку мы должны здесь жить, мы должны найти способ справиться с нашей психологической реакцией на неопределённость.

Для того, чтобы создать чувство, что судьба находится под контролем, каждая группа выработала своё мировоззрение. Тем не менее, поскольку мировоззрения всех групп различ-

ны, между группами неизбежно возникает напряжённость. Все мы видим, как существование множества различных религий привело к серьёзным конфликтам. Я вырос в среде, где две разные политические системы (каждая из которых претендует на высшую истину) создавали постоянную угрозу третьей мировой войны, даже более разрушительной, чем две предыдущие.

Другой фактор заключается в том, что из-за потребности в уважении, мы склонны использовать своё мировоззрение для развития чувства превосходства над другими группами людей. Это то, что Маслоу охарактеризовал как потребность в более низком уважении, когда нам нужно получать уважение от источника вне нас самих. Мы склонны думать, что, поскольку мы принадлежим к этой высшей группе, у нас есть уважение, но это также означает, что любой, кто не разделяет наше мировоззрение, становится угрозой этому уважению.

Теперь мы видим основной механизм. Группы людей пытались удовлетворить основную потребность в контроле, предлагая различные объяснения того, как, по их мнению, устроен мир. Само по себе это не проблема, потому что основная цель состоит в том, чтобы группа людей обрела чувство контроля, которое позволяет им функционировать психологически. Если индуисты поступают одним способом, мусульмане – другим, а христиане – третьим, в чём проблема, если это работает для них? Каждая группа пытается решить одну и ту же человеческую проблему, и они делают это

в соответствии со своим происхождением и культурой. Если это помогает этой группе подавить свой экзистенциальный страх, почему это должно быть угрозой для другой группы?

Почему мы не можем поладить

Что ж, проблема фактически объясняется Маслоу, потому что он говорит, что более низкие потребности, потребности дефицита, никогда не могут быть удовлетворены окончательно. Дефицитная потребность может существовать только в противоположной ей полярности. Самый очевидный пример: независимо от того, насколько много вы съедите, это не уберезёт вас от того, что в будущем вы снова проголодаетесь. Сегодня мы можем видеть много знаменитостей, которые достигли славы, но независимо от того, сколько внимания они получают, этого никогда не бывает достаточно. Мы видим людей, которые не могут насытиться деньгами и которые в 2008 году позволили своей краткосрочной жадности зайти так далеко, что это грозило крахом всей финансовой системы. Люди, которые спровоцировали эту ситуацию уже были миллиардерами, поэтому на самом деле у них было больше денег, чем они могли бы потратить в оставшуюся жизнь. Однако они не чувствовали, что им достаточно, и это не давало им увидеть последствия своих действий. Это как раз эффект потребностей дефицита, когда они сочетаются с необходимостью контроля. Хотя это выходит за рам-

ки концепции Маслоу, то, что я назвал потребностью в контроле, также является потребностью дефицита. Это означает, что она никогда не может быть удовлетворена. Но, как и в случае с миллиардерами, существует иллюзия, что однажды нам может стать достаточно. Есть мечта о горшке с золотом на конце радуги. Если бы у группы действительно была окончательная система мышления, основанная на абсолютной истине, которая могла бы объяснить каждый фактор во Вселенной, тогда у этой группы был бы полный контроль – по крайней мере, это то, что на нас проецируют более низкие потребности. Конечно, тогда эта группа также будет иметь высшее уважение, потому что она действительно будет превосходить все эти другие группы, обладающие меньшей «правдой».

Истинная причина, по которой мы все не можем поладить, заключается в том, что мы разработали все эти различные попытки получить контроль над нашим будущим, объясняя, как устроен мир. Это чувство контроля может оказаться под угрозой, если наше мировоззрение (или даже его часть) окажется неверным. Существование других мировоззрений представляет собой угрозу нашему мировоззрению, поэтому единственный способ обрести окончательное чувство контроля над ситуацией – это искоренить все конкурирующие мировоззрения. Вот почему Гитлер убил 6 миллионов человек в концлагерях. Вот почему Сталин убил 21 миллион своих сограждан, чтобы сохранить свою личную власть.

Вот почему Великий Председатель Мао убил 70 миллионов китайцев, чтобы поддерживать иллюзию, что его культурная революция приведёт к идеальному обществу. Вот почему сегодня радикальные мусульманские группы мечтают искоренить все другие религии и сделать ислам единственной религией на Земле. Вот почему многие менее радикальные христиане имеют ту же мечту о христианстве или почему некоторые так называемые воинствующие атеисты мечтают искоренить все религии.

Человеческая дилемма

Основная человеческая дилемма заключается в том, что мир представляет нам угрозы и неуверенность, с которыми мы не можем жить в психологическом смысле. Как я уже сказал, мы не можем психологически функционировать в мире, в котором живём. Тем не менее, поскольку мы должны жить в этом мире, мы должны были найти способы справиться с этим психологически. И это наши разные способы решения этой человеческой дилеммы, ведущей к конфликту. Люди чувствуют угрозу из-за того, что другие люди отличаются от них, и чем больше они чувствуют угрозу, тем больше стремятся изменить этих других людей. Если другие люди не изменятся, тогда первая группа может посчитать необходимым и оправданным убийство этих людей, чтобы (предположительно) устранить угрозу их мировоззрению, их чувству

безопасности. Стремление одной группы изменять других людей, заставляя их соответствовать собственному мировоззрению, является источником большинства крупномасштабных конфликтов.

Настоящая проблема здесь в том, что до тех пор, пока мы подходим к человеческой дилемме с позиции дефицитных потребностей, мы никогда не преодолеем человеческий конфликт. Группа, попавшая в ловушку дефицита потребностей, всегда будет чувствовать, что её мировоззрению угрожают другие взгляды. Значит ли это, что я думаю, что выхода нет? Конечно, нет, потому что Маслоу ясно даёт понять, что решение состоит в том, чтобы подняться над потребностями дефицита и сознательно принять потребности самоактуализации.

По словам Маслоу, это естественный прогресс, когда по мере того, как мы всё лучше удовлетворяем потребности в дефиците до критической степени, мы становимся менее управляемыми нашим экзистенциальным страхом. Вместо этого мы начинаем сосредотачиваться на высших потребностях, потребностях самоактуализации. По мере того, как мы сосредотачиваемся на этих потребностях, они становятся всё более важными. Теперь становится важнее узнать, кто мы есть на самом деле, чем чувствовать себя лучше других или чувствовать, что у нас есть истина в последней инстанции. Мы также можем сказать, что, когда мы начинаем сосредотачиваться на потребностях самоактуализации, наше внима-

ние отвлекается от внешнего мира на внутренний мир психики. Мы больше сосредоточены на изменении себя, чем на изменении других людей. Мы действительно начинаем делать то, что Иисус сказал нам делать 2000 лет назад, а именно – перестаём смотреть на соринки в глазах наших братьев и вместо этого начинаем смотреть на брёвна в наших собственных глазах.

Именно когда мы проходим через эту трансформацию, мы можем перестать чувствовать угрозу со стороны других людей, которые отличаются от нас. Мы можем перестать рассматривать различия только как источник конфликта и вместо этого развивать уважение к праву других людей отличаться от нас – и к нашему праву отличаться от них. Это то, что потенциально может привести к большему миру во всём мире, потому что мы можем приступить к решению проблем, не имея этого навязчиво-компульсивного стремления заставить других людей соответствовать нашему мировоззрению. Можем ли мы действительно достичь этого состояния взаимного уважения? Что ж, если бы мы не могли, как мы могли бы развить демократию? Демократия основана на признании того, что все люди имеют одинаковые базовые права, и самое основное право из всех – право быть разными. Это то, что может привести нас к взаимному уважению наших различий, вместо того, чтобы рассматривать наши различия как угрозу.

Сам факт того, что мы сейчас живём в демократических

обществах, доказывает, что человечество уже начало этот процесс. Мы просто не осознавали, что делаем, и поэтому не достигли такого большого прогресса, как могли бы.

Я родился другим

Вы, возможно, помните, как я сказал, что вырос в обществе, которое претендовало на звание самой сложной цивилизации на Земле. Это пример того, как даже современные демократии могут развить мировоззрение, которое, по мнению людей, является окончательным объяснением того, как устроена жизнь. Вы также можете вспомнить, что я сказал, что моё общество не может удовлетворить мою самую основную потребность, а именно понимание более глубоких вопросов жизни.

Простой факт заключается в том, что я родился с фокусом на самоактуализацию, и именно поэтому мировоззрение моего общества не удовлетворяло мою потребность в понимании самых глубоких вопросов. Мировоззрение моего общества основывалось (и остаётся таковым) на потребности в безопасности. Когда люди сосредоточены на потребностях безопасности, они ищут объяснение, которое претендует на то, чтобы иметь некий высший авторитет, и не думают дальше. Если кто-то думает дальше, они чувствуют угрозу из-за этого, и именно поэтому мы видим, что христиане и материалисты чувствуют угрозу со стороны духовных людей.

Моя потребность в понимании более глубоких вопросов не была вызвана моей потребностью в безопасности. Это было вызвано моей потребностью знать, что я за существо, чтобы я мог улучшить себя, актуализировать себя. То же самое верно и для миллионов духовных людей всех наций и культур. Мы рождены на уровне пирамиды Маслоу, где наша главная цель в жизни – самореализация. Поэтому нас не может удовлетворить авторитетная система мышления, которая гласит: «Верьте этому, и вы будете в безопасности». Нам не нужно быть в безопасности; нам нужны объяснения, которые позволят нам повысить уровень нашего сознания. Наша основная потребность – не безопасность, а рост.

Вот почему я рассматриваю духовных людей как потенциальный ресурс для современных демократий. Выживание любого общества может быть обеспечено только за счёт роста. Как я уже сказал, все закрытые общества рано или поздно вымирают. Суровая реальность жизни состоит в том, что мы должны либо измениться, либо умереть. Как я уже сказал, приход демократии доказывает, что мы находимся в процессе изменений, но этим движут люди, которые хотят измениться сами. И мы, духовные люди, можем стать предвестниками этого процесса перемен. Однако для этого мы должны полностью отказаться от потребности в безопасности.

Когда я говорю, что родился с фокусом на самореализацию, это не значит, что мне не нужна была безопасность. Я

чувствовал угрозу войны и других человеческих злодеяний, и я был очень обеспокоен человеческими страданиями. Я хотел положить конец этим угрозам и положить конец страданиям, и я думал, что способ сделать это – найти фундаментальное мировоззрение. Когда я нашёл своё первое духовное учение, у меня был короткий период, когда я был настолько полон энтузиазма, что думал, что способ положить конец страданиям – это заставить всех принять моё новое духовное учение. С тех пор я вырос из этого и теперь вижу это по-другому, как я объясню позже.

Я хочу здесь упомянуть, что, если мы, духовные люди, хотим оказывать положительное влияние на общество, мы должны перестать цепляться за определённую духовную философию или гуру, потому что это даёт нам чувство безопасности или превосходства. Мы должны понять, что дело не в том, чтобы заставить общество принять другую истину в последней инстанции или другую закрытую систему. Это вопрос помощи обществу в продвижении к более высокому пониманию, основанному на наборе универсальных идей. Если мы, духовные люди, полностью не откажемся от своих потребностей в безопасности, мы не окажем влияния на прогресс, которое мы могли бы иметь. Мы будем похожи на всех других наркоманов безопасности, которые могут бороться только за то, чтобы их истина в последней инстанции заменила все остальные истины в последней инстанции.

5 | Менять мир или меняться самому?

Основная человеческая дилемма заключается в том, что мы живём в мире, который полон неопределённости. В сочетании с нашей способностью прогнозировать то, что может произойти в будущем, это вызывает у нас экзистенциальный страх перед будущим и может нанести психологический вред. Тем не менее, учитывая, что мы должны жить в этом мире, мы должны найти способ справиться с этим состоянием.

Мир может представить нам множество неопределённых состояний, но страх, о котором я говорю, не является внешним условием, это внутреннее состояние, психологическое состояние. Это подчёркивает мой вывод о том, что мы психологические существа. С незапамятных времён мы, человеческие существа, были сосредоточены на контроле наших внешних условий, но наша основная причина это делать – изменить наши внутренние условия. Мы стремимся изменить мир, чтобы преодолеть чувство в нашей психике.

Мы стремимся изменить других людей, чтобы изменить то, что мы чувствуем внутри себя. Учитывая, что все люди стремятся изменить других, чтобы изменить то, что они чув-

ствуют внутри, насколько вероятно, что мы все сможем добиться успеха? Насколько вероятно, что кто-нибудь из нас сможет добиться успеха? Если все пытаются изменить всех остальных, куда это нас приведёт? Эта психология дефицита ставит нас в конфликт с людьми, которые выработали другой способ справляться с тем же страхом. Итак, причина всех человеческих конфликтов – психологический механизм, и я думаю, что люди в современных демократиях готовы осознать это и подняться над ним.

Источником человеческого конфликта является то, что мы стремимся изменить своё внутреннее состояние, основываясь на наших дефицитных потребностях. Эти потребности также можно назвать потребностями, основанными на страхе. Есть страх, что мы можем испытать голод или быть убитым, и наши действия мотивированы стремлением преодолеть парализующие психологические эффекты этого страха.

Маслоу сказал, что мы изменчивые существа. У нас есть возможность постепенно вырасти до состояния, когда над нами больше не будет доминировать этот парализующий страх. Затем мы можем начать сосредотачиваться на наших потребностях в самоактуализации. Эти потребности основаны не на страхе, а на любви.

Внутреннее изменение за счёт изменения внешних условий

Самоактуализация – это вопрос изменения нашего внутреннего состояния. По сути, мы могли бы сказать, что пока над нами доминируют потребности, основанные на страхе, мы пытаемся изменить Вселенную, чтобы изменить то, что мы чувствуем внутри себя. Как только мы преодолеваем страх и погружаемся в потребности, основанные на любви, мы начинаем изменять то, как мы чувствуем себя внутри, меняя себя, работая напрямую с психикой. Пока мы находимся в ловушке дефицита, мы всё ещё пытаемся изменить своё внутреннее состояние. Мы – психологические существа, и всё, что мы делаем, связано с изменением чего-то в нашей психике. Проблема с дефицитными потребностями в том, что они фокусируют наше внимание на внешних условиях. Что является главной характеристикой таких внешних условий? Дело в том, что мы мало или совсем не контролируем их. Таким образом, насколько эффективной может быть попытка изменить наше внутреннее чувство, пытаясь изменить внешние условия, которые мы мало контролируем?

Иосифа Сталина можно рассматривать как психопата или крайнего нарцисса, но, по сути, он был движим той же основной потребностью, которая есть у всех нас, а именно – необходимостью достичь внутреннего ощущения контроля над ситуацией. У него была почти неограниченная физическая власть, и в погоне за своим чувством полного контроля, он был готов убить 21 миллион человек, включая большинство близких ему людей. Тем не менее, несмотря на его

безграничную физическую власть, достиг ли он когда-либо этого внутреннего состояния – чувства безопасности, ощущения, что у него достаточно контроля? Конечно же, нет! Он становился всё более и более параноиком, пока это не поглотило всю его жизнь и внимание. Мой вывод таков: какой бы физической силой мы ни обладали, чтобы изменить внешний мир, её никогда не будет достаточно, чтобы дать нам внутреннее чувство, которое мы ищем.

Когда мы поднимаемся над потребностями, основанными на страхе, мы понимаем тщетность попыток изменить нашу внутреннюю ситуацию окольными путями изменения нашей внешней ситуации. Мы понимаем, что то, чего мы на самом деле хотим, – это не набор идеальных внешних обстоятельств. На самом деле наша мечта об идеальных внешних условиях была основана на неправильном понимании того, что это даст нам внутреннее чувство, которое мы ищем. Как я уже сказал, общество всеобщего благосостояния основано на предположении, что, если общество удовлетворяет материальные потребности людей, они автоматически становятся счастливыми. Как доказали миллионы людей, это не так. Счастье за деньги нельзя купить, это лишь временное отвлечение от несчастья.

Когда мы поднимаемся до потребности в самоактуализации, мы понимаем, что, если наша цель – вызвать внутреннее чувство, бесполезно пытаться добиться этого путём изменения внешних условий. Вместо этого логично, что мы

стремимся вызвать желаемое внутреннее чувство, работая напрямую с нашими внутренними условиями, нашей психикой. Самоактуализация заключается в том, чтобы подняться над принуждением к изменению мира и других людей (факторы, над которыми мы не имеем большого контроля) и вместо этого работать напрямую с нашей собственной психикой – фактором, который мы потенциально можем полностью контролировать.

Я знаю, что это последнее утверждение будет противоречить тому, что нам всем говорили, когда мы росли, а именно, что у нас мало или совсем нет контроля над нашей собственной психикой. Позже я объясню, почему нам это говорили, но сейчас важно то, что миллионы духовных людей доказали, что мы действительно можем контролировать свою психику. И развитие демократии также доказывает, что мы можем подняться над обсессивно-компульсивной потребностью изменять других людей и вместо этого сосредоточиться на изменении самих себя. Потому что истинно демократическое общество по самой своей природе превзошло необходимость насильственного свержения других обществ, даже необходимость контролировать людей.

Почему мы должны «поступать с другими»

Однажды я представил, что бы произошло, если представители Советского Союза встретились с представителем

ми Дании и многих других демократических стран. У представителей Советского Союза возник параноидальный страх, что современные демократии замышляют свергнуть советскую систему. Демократические представители знали бы, что у них не было такого намерения, но как они могли бы убедить Советы в их ненасильственных намерениях? Не мог быть достигнут мир путём переговоров, потому что Советы всё ещё были бы охвачены страхом и считали, что каждый хочет делать с ними то, что они хотят сделать с другими.

Для меня было большим открытием осознание того, что это психологическая причина всеобщего принципа – не делать другим того, чего мы не хотим, чтобы они делали с нами. Простой психологический механизм состоит в том, что, если у вас есть желание контролировать других людей, вы автоматически думаете, что все другие люди хотят контролировать вас. Это означает, что вы думаете, что живёте в мире, где все хотят контролировать вас, а это значит, что вы никогда не сможете жить в мире. Во время холодной войны американцы были убеждены, что Советы хотят захватить Америку, а Советы были убеждены, что американцы хотят захватить Советский Союз. На самом деле не имеет значения, были ли правы оба или кто-то один из них, потому что психологический эффект заключался в том, что ни один из них не мог жить в мире.

На самом деле демократия основана на осознании того, что за заявлением «поступать с другими» скрывается фун-

даментальная истина. В большинстве современных демократий мы приписываем это утверждение Иисусу, но на самом деле оно встречается практически во всех религиях, известных человечеству. Я пришёл к выводу, что это потому, что он описывает универсальный принцип, естественный закон, если хотите.

Опять же, мы, люди, являемся психологическими существами. В течение тысяч лет подавляющее большинство людей находилось в ловушке дефицита и опасалось, что другие люди причинят им вред, чтобы продвинуть их собственные интересы. Вот почему у нас был такой долгий период мировой истории, в котором преобладали недоверие и конфликты. Как мы смогли избавиться от этого недоверия? Так, что некоторые люди постепенно пришли к осознанию того, что изменить себя важнее, чем изменить других людей. Они поняли, что, если бы все люди действительно доверяли друг другу и сотрудничали, мы могли бы достичь гораздо большего, объединившись, чем мы могли бы достичь, будучи разделёнными.

Они поняли, что для того, чтобы выйти из конфликта, некоторые люди должны были сделать первый шаг. Некоторым людям пришлось поверить в обещание, данное всеми религиями, а именно, что если вы относитесь к другим людям так, как хотите, чтобы они относились к вам, они (возможно, не сразу, но в конечном итоге) будут относиться к вам так же, и тогда все будут процветать. По сути, это более

высокое понимание причины и следствия.

Мы видим, что, хотя человечество было разделено, прогресс был относительно небольшим. За более чем тысячу лет так называемого Средневековья Европа добилась лишь незначительного прогресса с точки зрения условий жизни населения в целом. Однако после прихода демократии большая свобода и сотрудничество привели к невероятному улучшению условий жизни населения. Если причина – разделение, то следствием является бедность. Если причина – сотрудничество, результат – процветание. Тем не менее, пока люди находятся в ловушке дефицита потребностей, им трудно сотрудничать. Только когда они подойдут к потребностям самореализации, они смогут сотрудничать таким образом, чтобы вести к обоюдному прогрессу, к беспроигрышной ситуации.

Что действительно движет историю

Я пришёл к выводу, что мои уроки истории в школе давали очень одностороннее понимание истории. Они были сосредоточены на внешних событиях и поэтому укрепили основанное на страхе мнение о том, что единственный способ изменить наш жизненный опыт – это изменить наши внешние условия, то есть изменить других людей и взять под контроль природу.

Теперь я понимаю, что историю человечества нельзя по-

нять без учёта психологических условий. Все события, которые мы видели в до демократическом мире, были вызваны обсессивно-компульсивной потребностью справиться со страхом и непониманием того, что единственный способ преодолеть внутренний страх – это контролировать внешние условия. За всем внешним, политическим и технологическим прогрессом, который мы наблюдали, кроется более глубокая причина. Также был прогресс в нашем общем уровне сознания. Существование демократических обществ, основанных на уважении универсальных прав, доказывает, что критическая масса людей начала работать над своими потребностями в самоактуализации и больше не находится во власти страха и паранойи. Это развитие до сих пор было в значительной степени бессознательным. Люди проходили через этот процесс, не осознавая того, что они делают.

Но представьте себе возможности, если бы больше людей могло сознательно принять свои потребности в самореализации и начать работать над ними? Для начала только представьте, как это может повлиять на проблему психических заболеваний. Самоактуализация заключается в том, чтобы взять под контроль свою собственную психику, и если мы можем справляться с психологическими состояниями самостоятельно, зачем нам использовать государственную систему здравоохранения? Конечно, это также окажет огромное влияние на психологическое благополучие людей.

Это может переместить нас из общества всеобщего благо-

состояния в общество благополучия.

Потребности по Маслоу и современные демократии

Следствием пирамиды потребностей Маслоу является то, что мы можем разделить людей на группы, в зависимости от того, какие потребности доминируют в их психике. Давайте свяжем это с современными демократиями:

Физиологические потребности. В современных демократиях эти потребности не доминируют в жизни большинства людей. Люди знают, что эти потребности можно удовлетворить, работая, или воспользовавшись сетью социальной защиты. Есть некоторые исключения, например, преступники, которые всё ещё чувствуют потребность воровать, чтобы удовлетворить свои потребности.

Потребности в охране и безопасности. Опять же, большинство людей чувствуют, что живут в обществах, где их безопасность гарантирована. Преступники и сторонники теории заговора – исключение.

Потребности в любви и принадлежности. Некоторые люди в первую очередь сосредоточены на принадлежности к какой-либо группе и поэтому делают всё возможное, чтобы эта группа их приняла. Тем не менее, в современных демократиях большинству людей не составляет труда быть принятым их обществом, и им ничто не мешает соответствовать

нормальной культуре. Исключения составляют преступные группировки или радикальные религиозные или политические группы.

Потребность в уважении. Современные демократии в целом добились прогресса в преодолении классовой структуры, при которой некоторые люди рассматривались как элита, а население в целом – как принадлежащие к низшему классу. Это помогло большинству людей удовлетворить свои потребности в уважении, живя нормальной жизнью. Поэтому всё больше и больше людей стремятся к самоуважению, то есть к уважению, которое исходит изнутри. А это значит, что они приближаются к разделительной черте работы над потребностями самоактуализации. Вы не можете по-настоящему уважать себя, исходя из чувства дефицита. Вам нужно сделать шаг вперёд и начать работать над тем, как вы видите себя, каким существом вы себя считаете.

Потребности в самореализации. Как сказал Маслоу, предыдущие категории потребностей – это потребности дефицита, основанные на страхе. Когда человек чувствует, что эти потребности удовлетворены в критической степени, для него естественно перейти на следующий уровень потребностей и начать работу над самоактуализацией. И то, чего достигли современные демократии, – это создание обществ, в которых большое количество людей может сосредоточиться на этих высших потребностях.

Логический вывод состоит в том, что, когда общество позволяет людям относительно легко восполнить их дефицит в критической степени, это общество даёт людям основу для работы над потребностями самоактуализации. Это означает, что во всех современных демократиях следует ожидать, что всё больший и больший процент населения готов работать над потребностями самоактуализации. Этого просто следовало ожидать, и это возвращает нас к теме того, почему в современных демократиях наблюдается рост психических заболеваний.

Я думаю, что то, что я скажу здесь, может выйти за рамки концепции Маслоу, поэтому я не утверждаю, что это его вывод. По моему опыту, существует критическая грань между людьми, движимыми дефицитом потребностей, и людьми, сосредоточенными на потребностях самоактуализации. Пока нами движет дефицит, мы понимаем, что его удовлетворение зависит от внешних факторов. Мы думаем, что для того, чтобы создать желаемое внутреннее состояние (безопасность, принадлежность, уважение), мы должны получить что-то извне или изменить что-то вне нас самих. Когда мы переходим к потребностям самоактуализации, мы понимаем, что нам не нужно ничего извне. У нас есть всё, что нам нужно, чтобы реализовать себя внутри себя. То есть у нас больше нет необходимости менять внешние условия, в том числе других людей. Конечно, этот сдвиг не происходит в одно великолепное прозрение, поэтому мы видим так мно-

го духовных людей, которые проходят долгую фазу приближения к самоактуализации, думая, что им нужен внешний гуру или учение.

Однако, когда мы переходим к потребностям самоактуализации, мы начинаем сосредотачиваться на изменении нашей собственной психики, а не на изменении Вселенной или других людей. Это означает, что сейчас нашей самой важной потребностью становится найти какую-то идею или учение о том, как мы можем справиться со своей психикой. И именно эта потребность не удовлетворяется в современных демократиях. Причина в том, как я уже объяснял, что война между официальным христианством и материализмом помешала нашим обществам дать людям универсальное учение о том, как справиться с нашими собственными психологическими условиями.

Что происходит, когда люди осознают, что самым важным аспектом их жизни является изменение самих себя, но они не знают, как начать это делать? Что ж, стоит ли удивляться тому, что это может быстро перерасти в то, что мы сегодня называем психическим заболеванием, таким как чувство безнадежности, которое может привести к депрессии? Когда вы переходите к самоактуализации, хорошая материальная жизнь, предлагаемая вашим обществом, внезапно может показаться совершенно бессмысленной или, по крайней мере, недостаточной, чтобы дать вам чувство цели в жизни. И если человек, находящийся на уровне самоактуализа-

ции, не понимает, что у жизни есть цель, это может быстро стать серьёзной психологической проблемой. На мой взгляд, это объясняет большую часть случаев депрессии, наблюдаемых в современных демократиях.

Я слышал, как психологи говорят, что многие формы более серьёзных психических заболеваний – это крик о помощи, попытка сказать: «Вот я, и у меня острая потребность, которую не удаётся удовлетворить!» Что, если эта насущная потребность состоит в том, чтобы научиться актуализировать себя? Подумайте, сколько душевных страданий это вызывает, а затем подумайте, насколько это совершенно ненужно. Всё это вызвано тем фактом, что наши современные общества не смогли выйти из тупика, вызванного войной между христианством и материализмом.

Когда я впервые осознал это, что произошло в возрасте 18 лет, для меня было таким потрясением, что моё общество могло претендовать на то, что оно настолько утончённое, но в то же время совершенно бессильно разрешить эту войну мировоззрений. И я всё ещё шокирован тем, что за последние 44 года здесь не было достигнуто большего прогресса. Я имею в виду, на самом деле, сколько ненужных страданий требуется, прежде чем критическая масса людей проснётся и поймёт, что это просто не может продолжаться, и что нам нужно мыслить за пределами этих двух замкнутых ментальных рамок?

6 | Как нам узнать, что является реальным?

Конечно, вопрос в конце последней главы риторический, в том смысле, что я уже знаю ответ. Дело в том, что в нашем обществе по-прежнему доминируют люди с закрытыми умами. Их умы закрыты, потому что они сосредоточены на дефицитных потребностях, на потребностях, основанных на страхе. Они очень сильно нуждаются в чувстве безопасности и получают его, придерживаясь мировоззрения, которое считают полным, непогрешимым, обладающим абсолютным авторитетом и представляющим единственную истину. Они нуждаются в этом ощущении обладания конечной системой мышления, чтобы иметь возможность справиться с экзистенциальной ненадёжностью человеческого существования, и они не могут выжить психологически, если их мировоззрение находится под угрозой. Поэтому они должны защищать эту точку зрения всеми средствами, которые считают подходящими. Вопрос лишь в том, какие средства они считают подходящими (насильственные или ненасильственные). Однако я думаю, что мы можем перейти на более глубокий уровень понимания.

С детства я не мог понять, как люди придерживаются про-

тивоположных и несовместимых точек зрения, и при этом каждый считает, что именно его точка зрения является единственно верной. Классическим примером может служить христианин-фундаменталист, который верит, что Библия – это истинное слово Божье, и материалист-фундаменталист, который убеждён, что если чего-то нельзя обнаружить органами чувств (или материальными инструментами), то этого не существует. Большинство людей считает, что если точки зрения двух людей несовместимы, то кто-то из них не прав, так как кажется абсолютно логичным, что может быть только одна истина. Мне потребовались десятилетия, чтобы разрешить эту загадку, и это – многослойное объяснение. Итак, начнём с самого универсального.

Процесс восприятия

Однажды я работал в открытом офисе в штате Юта с группой очень хороших людей. У нас было много дискуссий на духовные темы, которые возникали из-за того, что я был единственным, кто не принадлежал Мормонской Церкви в этом офисе, и они очень хотели обратить меня (мой стандартный ответ состоял в том, что Мормонская Церковь слишком стара для меня).

Однажды заведующий нашим отделом пришёл ко мне и без предупреждения задал вопрос: «Откуда мы знаем то, что знаем?» Он был очень серьёзен, так как только что осознал

эпистемологическую проблему, над которой философы бились веками. Я попытался сказать, что мы знаем то, что знаем, потому что это интуитивно кажется нам правильным, но это не удовлетворило его (и меня, если уж на то пошло). Позже я часто думал о его вопросе, и мне потребовалось много времени, чтобы найти то, что я считаю разумным ответом. Позвольте мне начать с разговора о восприятии.

Мой отец работал на типографии, и каждый год на Рождество они выпускали бюллетень. Однажды на обложке была следующая иллюстрация:

Я сохранил этот бюллетень и за эти годы, должно быть, часами пристально смотрел на этот рисунок. Сегодня легко найти ещё больше таких, так называемых, оптических иллюзий, включая классический рисунок, который выглядит либо как старуха с большим носом, либо как молодая девушка с пером в шляпе. Я был очарован рисунком, потому что интуитивно чувствовал, что он может помочь мне понять что-то важное о том, как мы смотрим на жизнь.

Когда мы смотрим только на левую сторону рисунка (возможно, закрывая правую сторону), кажется, что есть три отдельных круглых колышка. Когда мы быстро смотрим на весь рисунок, он выглядит так, как будто три колышка соединены с прямоугольным блоком. Но когда мы внимательно смотрим на правую сторону, мы видим, что некоторые линии отсутствуют, так что колышки не полностью соединены.

ны с блоком. Это невозможный объект, который на самом деле не может быть сделан в трёх измерениях. Теперь большинство людей называют это оптической иллюзией, потому что они говорят, что это обманывает глаза. Я говорю, что это обманывает мозг, а ещё разум, это показывает нам нечто существенное о том, как наше подсознание влияет на наше восприятие жизни.

Естественно, все мы слышали о Зигмунде Фрейде, которого иногда называют «отцом психологии». Что бы мы ни думали о нём, он ясно дал понять, что у нас есть подсознательная часть ума, которая может оказывать глубокое влияние на наше сознательное поведение и выбор. Это также относится к тому, как мы видим мир.

Допустим, я смотрю на яблоко. Большинство людей скажут бы, что мои глаза видят яблоко, но учёные давно знают, что это не так. Мои глаза не видят объект, и они не называют его яблоком или чем-то ещё. Глаз – сложный аппарат, но он может только принимать световые лучи (которые отражаются от яблока), преобразовывать их в электрические сигналы и посылать эти сигналы в мозг.

Когда я был ребёнком, в газетах печатали только чёрно-белые фотографии, которые, естественно, показывали человека с различными серыми оттенками кожи. Когда в школе я посмотрел на такую фотографию через увеличительное стекло, меня поразило, что то, что казалось областями различных оттенков серого, на самом деле состояло из

маленьких чёрных точек. Вся картинка состояла из чёрных точек, и чем больше точек было (чем ближе они были друг к другу), тем темнее получался оттенок серого. Если посмотреть на такую картинку с очень близкого расстояния, то виден только узор из чёрных точек, невозможно понять, что он образует лицо человека. Когда же вы смотрите на неё изда- лека, вы воспринимаете целостный образ.

Что ж, человеческий глаз не видит никакой картинки, он видит только то, что эквивалентно чёрным точкам, составляющим газетную фотографию. Сетчатка воспринимает эти световые сигналы, но сама не посылает их в мозг. Глаз преоб- разует световые лучи в электрический сигнал, а затем посы- лает этот сигнал в мозг. Этот сигнал получает зрительная ко- ра. Однако эта часть мозга также не видит яблока. Она про- сто отображает сигналы, которые получает от глаз, и направ- ляет их в другую часть мозга.

Давайте сравним это с реальной ситуацией. У нас в городе много камер, установленных на перекрёстках. Одна камера записывает изображение конкретного перекрёстка, и изоб- ражение показывает, какое там движение. Обратите внима- ние, что мы никогда бы не сказали, что камера видит пере- крёсток, потому что мы знаем, что камера – это механиче- ское устройство без собственного разума. Что ж, глаз – это тоже механическое устройство без разума, и именно поэто- му глаз ничего не видит. Глаз делает то же, что и камера: за- писывает сцену и посылает импульсы куда-то ещё.

Дорожная камера принимает световые лучи, отражающиеся от объектов на перекрёстке, преобразует их в цифровые сигналы и отправляет в командный отсек, где компьютер (сравнимый со зрительной корой головного мозга) отображает их на экране. До сих пор этот процесс носит чисто механический характер, и в нём не задействован человеческий фактор. В командном отсеке находятся несколько человек, и они смотрят на экраны, чтобы оценить и отрегулировать движение.

Для меня интересно то, что эти регулировщики сидят в тёмной комнате, и они не видят реальной сцены, только её изображение. Точно так же мой мозг находится в тёмной комнате (в черепе) и не видит окружающего. На самом деле, мозг может думать, что он видит свет, но на самом деле мозг никогда не испытывал свет непосредственно. Он видел только изображение, которое глаза передают в зрительную кору.

Весь смысл этого длинного объяснения в том, что, когда я смотрю на яблоко, мои глаза не видят яблока. Даже моя зрительная кора не видит яблока, она просто создаёт изображение внутри моего мозга. Так что же это такое, что называет этот объект яблоком и придаёт образу какой-то смысл или историю, возможно, даже какую-то оценку, хорошо это или плохо? Для некоторых людей яблоко может рассматриваться как нечто полезное для здоровья. Для других людей яблоко может быть самым опасным объектом в истории человечества, учитывая, что из-за него Адама и Еву (и, предположи-

тельно, всех нас) изгнали из Рая.

Другими словами, внутри моего черепа есть дух (джинн), который берёт каждый образ, проходящий через мои глаза в мой мозг, и накладывает какую-то интерпретацию на этот образ и на то, что он означает для меня. Этот дух не просто наблюдает. Он ищет закономерности, сравнивая то, что мы видим, с тем, что мы видели раньше, и с тем, что, как нам кажется, мы знаем. Большой вопрос заключается в том, ищет ли дух закономерности или он их создаёт, а затем накладывает их на образы, которые получает мой мозг? Видим ли мы то, что видят глаза, или то, что подсознательный дух хочет, чтобы мы видели?

Нажимая на тревожную кнопку

Так как же мы узнали то, что знаем сейчас? Мы знаем то, что знаем, потому что внутри нашего ума происходит процесс, при котором каждому импульсу, полученному извне, даётся интерпретация. Вопрос в том, как этот процесс происходит, и как он влияет на наш индивидуальный взгляд на жизнь. Позвольте мне привести практический пример.

Скажем, я просыпаюсь до рассвета и выхожу на улицу. Сейчас лето, птицы поют, и я наслаждаюсь спокойной сценой. Через некоторое время мои глаза обнаруживают свет, который постепенно становится ярче. Затем я вижу, что свет идёт с определённой стороны, и постепенно появляет-

ся очень яркое пятно. Это пятно поднимается выше и через какое-то время снова исчезает в противоположном направлении, и теперь снова темно. Я описал то, что обнаруживают мои глаза, и что показывает изображение внутри моего мозга. Однако это не то, что видит дух в моём подсознании. Он описал бы это событие следующим образом: «Солнце взошло на Востоке, совершило движение вдоль неба и ушло в закат на Западе».

На первый взгляд это может показаться разумным объяснением. Но обратите внимание, что глаз видит только свет, поэтому именно дух навязывает ему всю интерпретацию и называет что-то небом, солнцем, Востоком и Западом. Также обратите внимание, что интерпретация полностью оторвана от реальности. То, что мы называем солнцем, на самом деле не движется по небу. Это Земля движется относительно Солнца. Земля вращается вокруг своей оси, но наши органы чувств не могут воспринимать это движение. Мы не можем видеть, что Земля вращается, и по мере того, как мы движемся вместе с ней, мы постепенно перемещаемся на ту сторону Земли, которая обращена к Солнцу, и именно поэтому мы теперь можем видеть солнце. Обратите внимание, что Земля на самом деле не вращается в том направлении, которое мы предполагаем, основываясь на сенсорной информации. Мы движемся в противоположном направлении от Солнца, то есть движемся с Запада на Восток, создавая впечатление, что солнце движется с Востока на Запад.

Почему это так важно? Потому что это показывает нам, как легко мы можем навязать миру интерпретацию, которая находится вне связи с реальностью.

Может быть, это поможет нам понять, почему мы не приходим в согласие друг с другом. И христианин-фундаменталист, и материалист-фундаменталист обладают одинаковой информацией. Именно такая ситуация сложилась в мире, где все мы в значительной степени имеем доступ к одним и тем же общим знаниям. Христианин, скорее всего, всё же придёт к выводу, что Библия – это слово Божье и поэтому верна во всех деталях. Материалист, скорее всего, возьмёт ту же информацию и истолкует её как доказательство того, что Библия фальшива и Бога нет. По моим наблюдениям, в этом корень всех конфликтов: два человека принимают одну и ту же информацию, но в своих умах они приходят к совершенно противоположным и несовместимым выводам.

Обратите внимание, что мы можем связать это с дефицитными потребностями и с потребностями в самоактуализации. Когда мы пойманы в ловушку дефицитных потребностей, мы цепляемся за наше восприятие и не понимаем, что наш разум может навязать интерпретацию тому, что, как мы думаем, мы знаем. Нам нужно верить, что то, что мы знаем, – это реальность, истина. Когда мы переходим к самоактуализации, мы постепенно начинаем подвергать сомнению наше восприятие, пока не начинаем видеть дальше интерпретации подсознательного духа. Подробнее об этом позже.

Как объяснить, что люди могут прийти к противоположным выводам, основываясь на одних и тех же исходных данных? Я уже говорил, что мы живём в мире, где очень много неопределённости, и это создаёт психологическую реакцию, с которой трудно жить. Я осознавал этот механизм много лет, но не мог определить точную психологическую реакцию, вызванную внешней неопределённостью. С тех пор я понял, что это такое: паника.

Психологи хорошо знают, что, когда люди испытывают насильственные или драматические внешние события, они могут впасть в состояние паники, когда не могут ясно мыслить. Мы все знаем, что в стрессовых ситуациях мы можем чувствовать, как теряем контроль и принимаем недалёковидные решения. В такой момент мы не можем видеть, насколько неконструктивны эти решения, хотя это становится очевидным для нас, когда мы больше не паникуем.

Мой вывод заключается в том, что мы, люди, постоянно живём с ощущением опасности, что что-то может произойти, и это вызывает у нас состояние паники. Жизнь на такой планете, как Земля, настолько наполнена неопределённостью, что мы должны постоянно бороться с паникой. Другими словами, жизнь на Земле всё время нажимает на кнопку сигнала тревоги, и нам приходится с этим бороться. Как мы это делаем? Что ж, для начала скажем просто, что мы создали духа в подсознании, и его задача – сделать так, чтобы нас не бросало в панику. Как дух это делает? Он разви-

вает чувство того, как устроен мир, что даёт ему ощущение контроля. Мы можем думать, что дух (или мы сами) контролирует мир, но на самом деле дух контролирует (в некоторой степени) только то, что происходит в нашем сознании. Когда дух создаёт мировоззрение, объясняющее, как устроен мир, и как только мы принимаем его сознательным умом, он может отодвинуть экзистенциальную панику, чтобы мы больше не чувствовали её сознательно. Поэтому мы можем жить тем, что мы (довольно иронично) называем «нормальной жизнью». В тот момент, когда дух чувствует, что его мировоззрению угрожает новая идея, он посылает сильный импульс нашему сознанию, чтобы отвергнуть эту идею.

Наше чувство того, что реально

На чём должно основываться наше понимание того, как устроен мир? Что ж, это должно быть основано на чувстве реальности, то есть мы должны чувствовать, что объяснение, предлагаемое нашим мировоззрением, реально. Поэтому мы могли бы сказать, что другая основная человеческая потребность – это потребность в ощущении реальности, в ощущении того, что что-то реально и на это можно положиться. Что-то определённое в мире неопределённости.

Одна из основных человеческих потребностей – подавить панику, и мы делаем это, принимая систему мышления, которая объясняет, как устроен мир. Как мы все можем на-

блюдать, на протяжении всей истории мы, люди, определяли большое количество таких систем мышления. От чего зависит, какую систему примет человек? Что ж, объяснение мира, предлагаемое системой, должно казаться человеку реальным. Итак, почему одному человеку кажется реальным христианство, а другому – материализм? Ответ кроется в подсознании. Дух оценивает обе системы и определяет, что одна из них реальна. Давайте посмотрим на христианина-фундаменталиста и научного материалиста. С поверхностной точки зрения они кажутся очень разными, но, когда мы заглядываем в подсознание, мы видим один и тот же психологический механизм. У них обоих есть одна и та же потребность бороться с паникой, и они выбрали один и тот же способ справиться с проблемой, а именно – принять систему мышления и признать, что она реальна. Разница лишь в том, что каждый из них по-разному воспринимает реальность, и именно поэтому у них разные системы мышления.

Христианин-фундаменталист чувствует, что он держит под контролем жизнь и вселенную, потому что в конечном счёте она находится под контролем всемогущего и доброго Бога, которого можно убедить различными способами даровать личные блага людям, которые следуют его заповедям. Это даёт человеку чувство безопасности (иллюзию возможности контролировать Бога), что позволяет загнать экзистенциальную панику в подсознание. Фундаменталист-материалист чувствует, что вселенная находится под его контролем,

потому что она не контролируется каким-то персональным Богом, который может принимать произвольные решения и не оказывать ему милостей. Вместо этого вселенная управляется законами природы, которые абсолютно никогда не меняются. Это даёт материалисту чувство безопасности (иллюзию возможности использовать законы природы), и снова паника может быть вытеснена в подсознание.

Проблема для обоих состоит в том, что чувство безопасности изначально хрупко. Оно основана на системе мышления, которая приходит извне человека, а, учитывая состояние мира, эта система мышления потенциально может оказаться ошибочной. Она даже может оказаться под угрозой, если другая система мышления окажется верной. И если – и в этом большая проблема – система мышления человека окажется ошибочной, то паника вырвется из тюрьмы подсознания и захватит сознание человека. Это было бы невыносимо, и поэтому вопрос только в том, что человек готов сделать, чтобы избежать этого состояния, которое рассматривается как угрожающее, как вопрос жизни и смерти.

Почему это так угрожающе? Потому что, когда люди попадают в ловушку дефицита, основанного на страхе, они руководствуются подходом «всё или ничего». Типичный пример – христианин-фундаменталист, который подавил панику, приняв, что Библия – это истинное слово Божье. Эта точка зрения очень хрупка, потому что, если что-то является словом Божьим, оно должно быть истинным во всех деталях.

Другими словами, ни одну деталь, ни одно утверждение в Библии нельзя признать неверными, потому что в этом случае фундаменталисту придётся отвергнуть Библию во всей её полноте. Это было бы невыносимо, потому что это снова повергло бы его в панику, как продемонстрировали многие люди, потерявшие веру в Библию за последние два столетия.

Ирония здесь в том, что большинство материалистов видят, насколько смешон подход «всё или ничего» у христиан. Но они не видят, что у них тот же самый подход к материализму. Вот почему они не будут рассматривать даже научные доказательства того, что существует нечто за пределами материального мира, или что существует более глубокое понимание чем то, что предлагает материализм. Я хочу сказать, что эти люди закрыли свои умы для новых идей, и таким образом они закрыли свои умы для прогресса, который, как я уже сказал, происходит в результате прогрессивного расширения нашего понимания. Они не хотят расширенного понимания, они хотят цепляться за своё хрупкое чувство безопасности, основанное на мировоззрении, которое, по их мнению, не нуждается в расширении.

Они хотят, чтобы их мировоззрение было абсолютной истиной, а абсолютная истина, очевидно, не может быть заменена высшим пониманием. Другими словами, люди, в которых доминирует потребность в безопасности, ищут абсолютную истину. Люди, в которых доминирует потребность в самоактуализации, стремятся к более высокому пониманию,

чем то, что они имеют сейчас, и они всё время находятся в этом процессе.

Масштабы паники

Мы можем определить шкалу, в какой степени люди контролируются своим страхом быть поверженными в панику новыми идеями. Чем больше они пойманы в ловушку страха (чем больше они контролируются своим подсознательным духом), тем более жестокими будут меры, которые они предпримут, чтобы избежать угрозы своему мировоззрению.

Духа можно сравнить с компьютером, у которого нет морального или этического сознания. Он не может сказать, что что-то правильно или неправильно. Он думает только о том, как выполнить поставленную перед ним задачу – удержать панику ниже порога сознательного осознания. Если он считает, что этого можно достичь, высмеивая или убивая других людей, то он будет делать это. Только сознательный разум может остановить подсознательного духа, но только если сознательный разум принимает сознательные решения вместо того, чтобы позволять духу управлять своей жизнью. Поэтому мы могли бы сказать, что самоактуализация заключается в том, чтобы научиться возвращать сознательный контроль над нашим разумом, чтобы мы больше не контролировались подсознательным духом.

Мы все видим, что мировая история до появления совре-

менных демократических государств изобилует примерами того, как далеко люди могут пойти, чтобы уничтожить угрозу своей системе мышления. Мы видим, сколько раз люди использовали силу, насилие и войну, чтобы распространить свою систему мышления или избежать любых потенциальных угроз для неё. Я хочу сказать, что, когда христианин отправляется на миссию по обращению других людей в свою религию, он просто руководствуется своим подсознательным механизмом борьбы с паникой. И когда материалист (например, Ричард Докинз) отправляется в крестовый поход, чтобы доказать ошибочность религии, им движет точно такой же психологический механизм. Они кажутся разными, но только внешне. Внутри они являются психологическими существами, которые испытывают панику из-за нестабильного, изменчивого мира.

Я действительно думаю, что по мере того, как всё больше и больше людей поднимутся на уровень самоактуализации, мы увидим изменение в общественных дискуссиях, как мы уже начали видеть это в современных демократических государствах. Когда мы больше не движимы необходимостью бороться с каждой угрозой нашему мировоззрению, мы можем иметь совершенно другую форму общения. Я думаю, что есть огромный потенциал, если больше людей станут сознательно понимать, как наши подсознательные процессы влияют на наше восприятие. Я думаю, что это может привести к невероятному сдвигу в общественных дискуссиях, и мы смо-

жем говорить о вещах конструктивно вместо того, чтобы постоянно испытывать угрозу со стороны других точек зрения. В конце концов, не христиане-фундаменталисты, не марксисты-фундаменталисты и не материалисты-фундаменталисты привели современные общества на их нынешней уровень. Это были люди, которые двигались к самоактуализации, не осознавая этого. Итак, представьте себе, что могло бы произойти, если бы большее количество людей стало осознавать своих подсознательных духов.

Почему мы на самом деле не можем прийти к согласию друг с другом

Я беседовал с христианами-фундаменталистами и религиозными, духовными людьми всех вероисповеданий. Я говорил с научными материалистами. В молодости я даже разговаривал с некоторыми убеждёнными марксистами. И чего я никак не мог понять, так это того, что совершенно невозможно вести с ними нейтральный разговор. Мне не потребовалось много времени, чтобы понять, что я не могу сказать абсолютно ничего, что могло бы повлиять на этих людей. Тем не менее, большую часть своей жизни я чувствовал, что должен быть способ связаться и поговорить со всеми, и что это было частью моей ответственности, даже моей миссии в жизни, найти такой способ. Если я не могу говорить со всеми людьми, значит, со мной что-то не так. Я либо не

был достаточно хорош, чтобы общаться с людьми, либо я не знал достаточно, либо я не нашёл окончательного аргумента, который убедил бы всех людей.

Конечно, это была моя собственная потребность борьбы с паникой, которая хотела, чтобы я мог ладить со всеми людьми, и это означало, что большую часть своей жизни я испытывал глубокое внутреннее разочарование. У меня было глубокое чувство, что человеческий конфликт неправилен, потому что он приводит к таким страданиям, — и я чувствовал, что страдание тоже неправильно. У меня было глубокое внутреннее желание помочь людям освободиться от страданий и преодолеть человеческие конфликты. Я чувствовал, что нахожусь здесь не только для того, чтобы жить обычной жизнью, сосредоточившись на себе и наслаждаясь всеми удовольствиями, которые ищут люди. Я чувствовал, что должна быть цель моего пребывания на этой планете, и она связана с разрешением конфликта. И я думал, что это можно сделать, найдя какую-то окончательную истину или аргумент, который заменит все другие системы мышления и, наконец, заставит всех людей увидеть одну и единственную истину.

Как я уже сказал, я сознательно шёл по пути самоактуализации в течение 44 лет, но в течение первых более чем трёх десятилетий в моём стремлении доминировала эта фрустрация. Я никак не мог понять причину своего разочарования в течение тех трёх десятилетий. Я не думаю, что кто-то смог

бы заставить меня увидеть это, потому что я просто ещё не был готов взглянуть на себя и прийти к очень простому, но глубокому осознанию. Вывод таков: я такой же человек, как и все остальные, и у меня была такая же потребность бороться с паникой, как и у всех остальных.

Я уже говорил, что христиане и материалисты имеют один и тот же психологический механизм. Они хотят избежать паники, и они делают это, принимая внешнюю систему мышления. Сделав это, они обретают чувство безопасности, но оно может быть отнято, если их система мышления окажется нереальной. Был период, более двух десятилетий, когда я замечал это в других людях. Я начал видеть, насколько слепы были различные фанатичные группы, такие как нацисты, коммунисты, христиане-фундаменталисты, мусульмане и более крайние материалисты. И всё же я не видел точно такой же психологический механизм в себе.

У меня была такая же экзистенциальная паника, как и у всех остальных. Я также настроил подсознательный механизм, чтобы подавлять её. Единственное отличие состояло в том, что моё чувство безопасности не основывалось ни на одной из традиционных систем мышления, таких как христианство, ислам, марксизм или материализм. Вместо этого у меня было более хрупкое мировоззрение, потому что оно основывалось на наборе духовных убеждений, которые не были так чётко определены, и в них не верило так много людей, как в установленные системы. Я был, в некотором

смысле, в поисках конечной системы мышления, но я не нашёл ни одной, которая казалась бы мне реальной.

Я думал, что моя миссия состоит в том, чтобы найти или разработать такую систему, и я видел в этом бескорыстную попытку, наконец, принести мир на эту беспокойную планету. На самом деле моё желание найти способ преодолеть конфликт и принести «мир на Землю, добрую волю людям» было просто моим способом преодолеть панику. И моё желание найти окончательный аргумент на самом деле было направлено не на то, чтобы принести мир, а на то, чтобы дать себе более прочное чувство безопасности. Или мы могли бы сказать, что мои усилия были направлены не на то, чтобы принести мир вне меня, они были направлены на то, чтобы принести мир внутрь меня. И всё же я по-прежнему считал, что единственный способ обрести внутренний мир – это изменить что-то вне себя, и это было причиной моего разочарования.

Так что же случилось? Преодолею ли я это разочарование, или эта книга – просто ещё одна попытка обратить других людей в моё мировоззрение? Что ж, этот вопрос пусть решает читатель, но я могу сказать, что за последние 44 года моё мировоззрение изменилось настолько, что моему подсознательному духу было трудно за ним угнаться. Естественно, сегодня у меня есть мировоззрение, которое кажется мне реальным, но я преодолел потребность чувствовать, что это высшая возможная истина. Вместо этого я пришёл к внут-

ренному решению, что мне не нужна абсолютная истина. Я постоянно стремлюсь повысить свою осведомлённость, и нет ничего из того, что я знаю сегодня, чего я не мог бы заменить более высоким пониманием завтра. Это гораздо менее разочаровывающее состояние ума, чем то, которое у меня было, когда я начал свой путь в возрасте 18 лет.

В процессе преодоления неприятия сомнений в собственном мировоззрении я постепенно пришёл к выводу, который в молодости был бы для меня ошеломляющим. Чтобы объяснить свой вывод, я должен сделать небольшое отступление к Древней Греции и философу по имени Аристотель.

7 | Существует лишь одна истина?

Около 2500 лет назад Афины были главным городом-государством в Греции, и там была действующая демократия, хотя по современным стандартам она была довольно ограниченной (рабы, женщины и другие, не имеющие в обществе веса, люди не могли голосовать). Был также золотой век философии, с известным философом – Сократом, о ком мы узнали из сочинений Платона. Одним из основных учеников Платона был Аристотель. Но Аристотель пошёл по совершенно иному пути, нежели его учитель, и это оказало большое влияние на западное мышление.

Многие считают Аристотеля отцом современной науки, но он, прежде всего, отец материалистической науки. Платон говорил, что существует область за пределами материального мира, которая влияет на то, как обстоят дела в этом мире. Мы не можем понять материальный мир, не поняв глубинных причин того, что Платон называл миром идеальных форм. В своей знаменитой аналогии с пещерой, он сравнил нашу ситуацию с группой людей, закованных в цепи внутри пещеры. Снаружи пещеры ходили люди, но те, кто были внутри, не могли видеть их напрямую, только тени, которые они отбрасывали на стену пещеры. Таким образом, то, что мы видим нашими физическими чувствами, есть только те-

ни невидимых причин.

Аристотель игнорировал аналогию Платона с пещерой и утверждал, что мы можем понять всё, что нам нужно о материальном мире, глядя только на материальный мир. Он также сказал, что мы можем понять целое, разбив его на мельчайшие составляющие. Как только мы поймём, как работают компоненты (например, атомы), мы поймём, как работает целое (например, человек).

Аристотель также разработал систему логики, и она повлияла на наше мышление таким образом, который я считаю катастрофическим, роковым и губительным (я пытаюсь быть дипломатичным здесь). Аристотель хотел определить природу реальности таким образом, чтобы она не зависела от наблюдателя, то есть была универсально истинной. С этой целью он определил такую логику – утверждение должно быть либо истинным, либо ложным, потому что оно не может быть одновременно и тем, и другим. Он назвал это законом исключённого среднего.

Когда я узнал об этом в средней школе, я думал, что это совершенно логично. Мне казалось очевидным и реальным, что утверждение не может быть одновременно истинным и ложным. Земля либо круглая, либо плоская, потому что она, очевидно, не может быть и тем, и другим. Сегодня я понимаю, что логика Аристотеля казалась мне логичной, потому что в течение 2500 лет она доминировала в западном мышлении. Мы думаем, что это логично, потому что мы за-

программированы думать так. Кроме того, мой собственный подсознательный дух хотел, чтобы это было правдой, что есть только одна истина, и что утверждение должно быть либо полностью истинным, либо полностью ложным. Причина в том, что, если у меня есть одна единственная истина, это лучший способ подавить мою панику.

Проблема, которую я вижу сегодня, заключается в том, что логика Аристотеля дуалистична, то есть она оперирует двумя противоположными полярностями, между которыми нет ничего. Это чёрно-белое мышление, потому что оно предполагает, что каждый аспект того, как устроен мир, может быть сведён или, по крайней мере, выражен как полярность, которая имеет два варианта: один истинный, а другой ложный. Другими словами, каждый вопрос может быть сформулирован таким образом, что на него можно ответить «да» или «нет».

Закон исключённого среднего говорит, что утверждение либо истинно, либо ложно, потому что оно не может быть одновременно истинным и ложным. Это, как правило, даёт нам упрощённый взгляд на жизнь. Мы стремимся свести каждый аспект жизни к чему-то, что может быть выражено как наличие двух вариантов или, возможно, даже одного варианта. Но что, если некоторые аспекты жизни настолько сложны, что не могут быть сведены к двум вариантам или не могут быть поняты в соответствии с логикой, которая работает только с истинным и ложным? Приведу несколько примеров.

Согласно Аристотелю, у нас есть только два варианта: утверждение либо истинно, либо ложно. Есть определённые аспекты жизни, где эта логика работает хорошо. Например, круг – это круг, а квадрат – это, конечно, квадрат. Что-то не может быть круглым и квадратным одновременно. Можно привести множество других примеров. Что-то движется либо вверх, либо вниз; чёрное или белое, кошка или собака. Аристотель назвал это силлогизмами, то есть утверждениями, которые приводят к бесспорному заключению. Вот самый известный из них, обычно приписываемый Аристотелю (хотя он не встречается в его трудах):

Все люди смертны.

Сократ – это человек.

Следовательно, Сократ смертен.

На примере круга и квадрата сам Аристотель, вероятно, сказал бы:

Круг круглый.

Квадрат не круглый.

Следовательно, квадрат – не круг.

Фигура – это либо квадрат, либо круг, потому что она не может быть и тем, и другим одновременно. И хотя это кажется достаточно разумным, именно здесь мы начинаем видеть

потенциальную опасность стремления свести всё к утверждениям с двумя полярностями, двумя вариантами. Кто-то, кто не совсем понимал логику Аристотеля, мог бы заключить, что закон исключённого среднего означает, что каждый аспект жизни может быть сведён к этому дуалистическому взгляду, к простому выбору «всё или ничего» между двумя вариантами. Например:

Круг круглый.

Квадрат не круглый.

Следовательно, форма, которая не является круглой, является квадратом.

Затем этот кто-то (исказив логику Аристотеля в том смысле, с которым последний не согласился бы) создал бы упрощённый взгляд на жизнь, согласно которому все формы являются либо кругами, либо квадратами, между которыми нет ничего. Очевидно, мы знаем, что, когда дело доходит до геометрических фигур, круги и квадраты – не единственные варианты. Есть много других форм, даже таких, которые мы можем назвать «круглыми» – овалы, эллипсы – или многие из более мягких изгибов, встречающихся в природе и в человеческом теле. Другими словами, утверждение, что что-то «круглое» или «квадратное» может быть недостаточно точным, чтобы иметь дело со всеми формами. Кстати датский философ построил форму, названную «супер эллипсом», ко-

торая математически представляет собой комбинацию квадрата и круга.

Другой пример – цвета. Мы можем легко определить два противоположных цвета, а именно чёрный и белый. Тем не менее, мы не можем сказать, что чёрный и белый являются единственными вариантами определения цветов, потому что мы знаем, что есть много нюансов, даже смесь чёрного и белого, называемая серым. Итак, если мы не можем свести наши знания о цветах к двум вариантам, чёрному и белому, почему мы иногда думаем, что можем свести человеческие убеждения или мнения к двум вариантам, чёрному или белому, истинному или ложному?

Основное влияние логики Аристотеля в том, что постепенно, в течение последних 2500 лет, в западном мышлении возникла идея о существовании лишь одной истины. Эту идею фактически продвигала католическая церковь, которая считала (и до сих пор считает) себя единственной истинной религией. Около тысячи лет католическая церковь подавляла труды Аристотеля, но в 1200-х годах они были воскрешены Фомой Аквинским, и церковь теперь использовала аристотелевскую логику, чтобы укрепить свои позиции в качестве единственного источника истины. Материализм утверждает, что освободил нас от религиозных предрассудков, но он не освободил нас от идеи, что может быть только одна истина.

Я считаю эту идею самой опасной идеей в истории чело-

вечества, и она привела к большому количеству конфликтов и злодеяний, чем любая другая идея. Это заставило некоторых людей развить следующий силлогизм:

Моё мировоззрение – единственная истина.

Любое мировоззрение, противоречащее единственной истине, ложно.

Следовательно, все мировоззрения, которые противоречат моему взгляду, ложны.

А вот и более «продвинутая» версия:

Моё мировоззрение – единственная истина.

Для мира было бы лучше, если бы моя правда была единственной правдой.

Следовательно, для мира лучше убить всех людей, которые не принимают мою истину.

Может быть только одна истинная религия

Справедливости ради следует отметить, что идея о том, что может быть только одна истина, существует уже давно и возникла не у Аристотеля. И всё же именно на нём лежит главная ответственность за внедрение этой идеи в западное мышление. Это происходит потому, что его логика сводит всё к полярности между истинными и ложными утвержде-

ниями, потому что утверждение не может быть истинным и ложным одновременно, других вариантов тоже нет. И мы наблюдаем, как это логика развернулась на поле религии.

Со времён Аристотеля в западном мире (и в большей части мира) возникло общее понимание того, что истина может быть только одна. Многие религиозные люди истолковали это так, что может быть только одна истинная религия, и мы все видим, сколько конфликтов это породило, включая войны, крестовые походы и инквизицию. Многие люди скажут, что логично, что может быть только одна истинная религия, но говорим ли мы это потому, что аристотелевская логика запрограммировала нас мыслить в терминах двух полярностей (истинной и ложной) и исключённой середины? Почему не может быть больше одной истинной религии?

Что ж, согласно Аристотелю, можно определить утверждение, которое является универсально истинным (все люди смертны, все круги круглые). И если это утверждение истинно, то из этого следует (согласно аристотелевской логике), что любое утверждение, которое противоречит ему или даже просто отличается от него, должно быть ложным. Единственные варианты в аристотелевской логике: истинно или ложно. Но что, если это не так?

Давайте посмотрим, как рассуждает большинство религиозных людей. Мы живём в мире, где много страданий, и где плохие люди делают ужасные вещи другим людям. В мире существует много идей, и многие из них явно ошибочны, по-

тому что одни противоречат другим, и все они не могут быть истинными. Откуда мы знаем, что истинно, а что нет? Что ж, мы можем знать это, потому что за пределами этого мира существует другой мир, в котором есть всемогущий и всезнающий Бог, и этот Бог дал нам религию через прямое откровение, которое, следовательно, абсолютно истинно.

Очевидно, что этот всезнающий Бог знает, что истинно в абсолютном смысле, поэтому, когда он дал нам нашу религию, он дал нам абсолютную истину. Поскольку существует только один истинный Бог и поскольку этот Бог, очевидно, не противоречил бы самому себе, из этого следует, что он не дал бы человечеству никакой другой религии. Потому что, если Он уже дал нам одну истинную религию, зачем давать другую другим людям? Всё, что отличается от абсолютной истины, очевидно, не может быть истинным, и поскольку это только создаст путаницу, Бог никогда не даст нам больше одной истинной религии. Бог всеблагой и потому не хочет, чтобы мы были смущены. Однако у этого всемогущего Бога есть противоположность, а именно дьявол, и он хочет запутать и обмануть нас, и из этого следует, что любая религия, которая противоречит нашей (или даже отличается от нашей), не может исходить от Бога, но должна исходить от дьявола. В аристотелевской логике это можно выразить следующим образом:

Бог – источник истины, дьявол – источник лжи.

Христианство истинно и дано Богом, поэтому любая религия, которая отличается от христианства, не истинна.

Поэтому любая другая религия исходит от дьявола.

Конечно, эта форма рассуждения применима не только к религиям, но и к политическим теориям и любому другому аспекту человеческих мнений и теорий. Это относится даже к научному материализму, и вот некоторые другие примеры аристотелевской логики, перенесённой на системы мышления:

Коммунизм – это истина.

Любая политическая теория, которая отличается от коммунизма, должна быть ложной.

Материализм – это истина.

Любая теория, которая отличается от материализма, должна быть ложной.

Если вы действительно верите в такую «одну единственную истину», вы увидите, что это совершенно логично. Может быть только одна истина, та самая истина – ваша, и поэтому всё иное ложно. Но позвольте мне представить простую альтернативу. Цель, определяемая большинством религий, состоит в том, чтобы привести нас на небеса. Допустим, мы обнаружили гигантский метеорит, летящий прямо

на Землю. Мы понимаем, что планета будет уничтожена, поэтому мы строим гигантский космический корабль, чтобы забрать отсюда всех людей. В назначенный день все люди направляются в космопорт и садятся на борт. Кто-то прилетает на частном самолете, кто-то на поезде, кто-то на машине, кто-то на велосипеде, кто-то едет на осле, а кто-то идёт пешком. После того, как космический корабль взлетает, мы наблюдаем, как Земля исчезает в гигантском огненном шаре. Действительно ли имеет значение, как мы попали на космический корабль? Итак, если цель религии действительно состоит в том, чтобы привести нас на небеса, почему не может быть более одного способа сделать это? И после того, как мы туда доберёмся, действительно ли будет иметь значение, по какой дороге мы пришли?

Почему мы (отчаянно) хотим только одной правды

Опять же, я не пытаюсь представить Аристотеля как главного злодея, который испортил цивилизацию. Очевидно, что мировоззрение Аристотеля стало общепринятым только потому, что оно апеллирует к чему-то в нас, оно удовлетворяет психологическую потребность, которая есть у нас, людей. Так что же это за потребность?

Позвольте мне вернуться к тому, о чём я говорил ранее, что мы – психологические существа, у которых есть потребность бороться с паникой, и что у нас есть подсознатель-

ный дух, назначенный для выполнения этой задачи. Самый распространённый способ для духа сделать свою работу – это использовать систему мышления, чтобы определить, как устроен мир. Неважно, религия это, политическая философия, духовное учение или научный материализм. Однако для того, чтобы мы приняли данную систему мышления, она должна казаться нам реальной. И что может заставить её казаться реальной? Сила, авторитет и истинность. Поэтому, чтобы достичь абсолютного чувства безопасности, абсолютного чувства контроля, мы хотим, чтобы была только одна истина, и чтобы эта истина была абсолютно верной. И если что-то абсолютно верно, то есть это единственный способ смотреть на реальность или описывать её, то из этого следует, что все другие способы описания реальности должны быть неверными.

Как только мы принимаем это подлое порождение аристотелевской логики, мы ставим себя в непримиримый, экзистенциальный конфликт со всеми людьми, которые не принимают такую же «одну единственную истину». Сам факт того, что они не принимают нашу истину, является угрозой нашему чувству безопасности, и это порождает призрак того, что они могут быть правы, а мы можем ошибаться. Таким образом, чтобы подавить чувство паники, мы должны стремиться утвердить нашу истину, как единственную истину на Земле, а это означает стремление искоренить все альтернативы, либо доказав их ошибочность, либо обратив лю-

дей в нашу систему, либо уничтожив тех людей, которые не будут обращены. Для меня истинная причина всех религиозных войн, войны между нацизмом и остальным миром, войны между капитализмом и коммунизмом, даже войны между религией и наукой – это психологический механизм. Мы, люди, стремимся избежать паники, принимая систему мышления, которая утверждает, что мы имеем контроль над своей судьбой. Тем не менее, это помогает нам сдерживать панику только до тех пор, пока мы верим, что наша система абсолютно верна, а существование других систем (особенно если они приняты многими людьми) является угрозой, которую мы не можем игнорировать. Поэтому кажется оправданным, что мы должны уничтожить все ложные системы мышления или людей, которые не откажутся от них.

Аристотель, очевидно, не был причиной этого состояния. Он просто определил систему логики, которая апеллирует к нашему самому основному психологическому механизму, и тем самым дал нам инструмент для оправдания того, что мы стремимся заставить других людей принять наше мировоззрение. В конце концов, если на самом деле существует только одна истина, не следует ли из этого, что на самом деле мы заставляем всех видеть одну единственную истину, в интересах мира, исторической необходимости, Бога, науки и даже других людей?

Что мы сейчас создали? Чудовище, которое может оправдать любое человеческое злодеяние! Цель теперь может

оправдать средства – даже средства, нарушающие самое основное правило человеческого поведения: поступай с другими так, как ты хочешь, чтобы поступали с тобой. Подсознательный дух не может понять этого правила, он смотрит только на то, что может помочь ему выполнить его основную задачу – подавить панику.

Вы хотите, чтобы другие люди пытались навязать вам свою систему мышления, даже если они верят, что это абсолютная истина? Хотели бы вы, чтобы другие навязывали вам систему мышления, даже если бы это была абсолютная истина? Разве вы не хотели бы, чтобы вам дали свободу использовать своё собственное чувство реальности, чтобы решить, какой системе мышления следовать? Так почему бы вам не дать такую же свободу другим? Если вы не хотите, чтобы вас заставляли принимать другую систему мышления, почему вы считаете оправданным принуждать других принимать вашу систему мышления? Ответ зависит от того, где вы находитесь в пирамиде Маслоу. Чем больше вы сосредоточены на низших потребностях (чем больше ваш подход основан на страхе), тем больше вы готовы принуждать других.

У меня есть ещё что сказать об этом эпическом мышлении, которое заставляет людей думать, что есть какая-то космическая важность в том, чтобы заставить людей принять одну систему мышления, но пока я хочу продолжить с аристотелевской логикой. Эта логика говорит, что утверждение не может быть истинным и неистинным одновременно. Мно-

гие люди интерпретируют это так, что если два утверждения противоречат друг другу, то одно должно быть истинным, а другое – ложным. И всё же я вижу другую возможность: они оба могут быть ложными. Я также вижу третью возможность: они оба могут быть частично истинными, то есть основанными на ограниченном понимании – они оба могут быть неполными. И как следствие будет достигнуто более глубокое или более высокое понимание, и как только мы его получим, мы увидим, что ни одно из утверждений не определяет истину, потому что о реальности нужно знать гораздо больше, чем то, что мы можем увидеть сквозь фильтр замкнутого, одного и единственного истинного мировоззрения.

Мой ошеломляющий вывод

Я провёл некоторое время, изучая историю науки, особенно я увлекаюсь физикой. Наверное, все мы в школе знали, что был физик по имени Исаак Ньютон, который открыл силу тяготения, потому что ему на голову упало яблоко. Он также сформулировал ряд законов движения, которые действуют по сей день и могут позволить нам отправить космический корабль на Марс. Было время, когда физики считали, что Ньютон открыл окончательное мировоззрение, а именно, что вселенную можно сравнить с механическим устройством, подобным гигантскому часовому механизму. Эта точка зрения утверждала, что мир управляется неизменными

законами, то есть, если бы мы знали точку отсчёта, мы могли бы использовать законы природы для предсказания всех будущих событий с абсолютной уверенностью. Другими словами, вселенная была детерминированной, и в ней не было места неожиданностям (эта идея привлекательна для подсознательного духа, потому что она обещает безопасность, если только вы знаете всё).

Как я уже говорил, были физики, которые считали это абсолютной истиной, и к концу 1800-х годов один известный учёный провозгласил, что все основные законы уже открыты, и осталось объяснить лишь несколько незначительных деталей. Мне кажется довольно очевидным, что это желание найти или определить абсолютную истину и получить чувство абсолютной безопасности – работа подсознательно-го духа. Затем в 1905 году неизвестный физик опубликовал статью, которая полностью вытянула ковёр из-под детерминированной вселенной. Естественно, это был Альберт Эйнштейн и его теория относительности.

Это не означало, что Эйнштейн аннулировал ньютоновскую физику. Он доказал, что законы Ньютона не универсальны, они работают только для определённых явлений или в определённом масштабе. Другими словами, законы Ньютона были справедливы для определённого сегмента Вселенной, но они не могли описать работу всей Вселенной. За пределами пещеры, в которой были прикованы ньютоновские физики, что-то было. На самом деле Эйнштейн не говорил

(как часто думают люди), что всё относительно. Он сказал, что наблюдения, которые мы делаем, относятся к ситуации, в которой мы их делаем. Другими словами, чтобы узнать, верны ли наши наблюдения, мы должны рассмотреть, как наш метод наблюдения влияет на то, что мы видим. Я бы сказал, что для того, чтобы знать, показывает ли наше восприятие реальность, нам нужно знать, как наш фильтр восприятия влияет на наше наблюдение.

Читая биографию Эйнштейна, я узнал, что именно позволило ему развить свою новую теорию. Дело в том, что он поставил под сомнение неоспоримые предположения, на которых основана ньютоновская наука. Только задав вопрос о том, что, по мнению других физиков, не должно было подвергаться сомнению (потому что это была абсолютная истина), он увидел то, чего не видели они.

В течение нескольких лет, другие физики взяли теории Эйнштейна и использовали их для развития новой отрасли науки, которая имеет дело с миром субатомных частиц. Один из этих физиков, Вальтер Гейзенберг, разработал то, что он назвал принципом неопределённости, который гласит, что всегда будет что-то, чего мы не можем знать. Результатом этого является то, что мы не можем с уверенностью предсказать, как будет развиваться Вселенная, а это означает, что мир не детерминирован. По иронии судьбы, Эйнштейн не мог с этим смириться и до самой смерти продолжал бороться с квантовой физикой. Причина в том, что его соб-

ственная теория также основывалась на определённых предположениях, и Эйнштейн не хотел подвергать их сомнению. Гейзенберг, Нильс Бор и другие были готовы подвергнуть сомнению эти предположения, и таким образом они сделали новое открытие.

Кроме того, мне очень интересно, что математик по имени Курт Гедель разработал то, что он назвал теоремой о неполноте. Гедель доказал математически, что невозможно разработать систему математики, которая могла бы объяснить каждый аспект чисел. Любая система, которую вы можете определить, будет иметь определённые внутренние допущения, которые либо ограничат то, что вы можете знать, либо приведут к противоречиям. Я знаю, что многие скажут, что это относится только к математике, но, когда я читаю о таком открытии, в моём уме немедленно возникает одно из этих интуитивных прозрений, и я вижу, что это применимо ко всем аспектам того, как мы пытаемся объяснить реальность. Итак, вот ошеломляющий вывод, к которому я пришёл. Позвольте мне ещё раз подчеркнуть, что мне потребовалось много времени, чтобы прийти к этому выводу, потому что в течение десятилетий мой подсознательный дух (также называемый эго) очень упорно боролся за то, чтобы я верил, что может быть только одна истина. Естественно, мой вывод состоит в том, что существует не только одна истина.

Теория теорий Кима

Основываясь на том, что я описал выше, я пришёл к выводу, что мы, люди, должны создавать теории по разным причинам. Одна из них – дать себе ощущение контроля, чтобы подавить панику. Другая – помочь нам функционировать в нашей повседневной практической ситуации, зная, как работает наше окружение и как создавать технологии. Поэтому я не говорю, что мы должны отбросить все теории и перестать пытаться создавать лучшие теории. Я только говорю, что мы могли бы извлечь выгоду из отказа от мечты о создании окончательной теории или теории всего.

Моё рассуждение состоит в том, что в нашем нынешнем состоянии сознания (в котором доминирует чувство разделения) мы можем создать теорию, только определив отправную точку, то, что учёные часто называют парадигмой. Например, средневековые астрономы основывали свои исследования небес на парадигме, согласно которой Земля была центром Вселенной (исходя из «непогрешимой» католической доктрины). Они всё ещё делали наблюдения за движениями небесных тел, но для того, чтобы объяснить их на основе своей парадигмы, им пришлось создать очень сложную теорию эпициклов. Только когда Галилей и другие учёные были готовы подвергнуть сомнению эту парадигму, они пришли к более простой теории, которая действительно соответствовала наблюдениям.

Когда мы определяем парадигму, мы берём определённое

наблюдение или, скорее, предположение и возводим его в ранг абсолютно истинного или самоочевидного, то есть оно не нуждается в сомнении. И именно этим мы ограничиваем объяснительную силу теории. Будут определённые вещи, которые теория не сможет объяснить, потому что наше основное предположение мешает нам задавать определённые вопросы. Теория всё ещё может быть весьма полезной и привести к значительному прогрессу. Но наступит момент, когда теория не сможет вести нас дальше.

Единственный способ пойти дальше – это подвергнуть сомнению предположения, лежащие в основе теории, но тогда парадигма больше не может быть поддержана. Поэтому мы должны разработать новые предположения, а это приведёт к новой теории, новой парадигме. Более подробно это объясняется в известной книге философа Томаса Куна «Структура научных революций».

Приведём пример этого процесса. Ньютон сделал определённые предположения, и это явно продвинуло науку вперёд. Однако ньютоновская физика работает только в определённом диапазоне вселенной. Наука сделала следующий скачок только тогда, когда Эйнштейн поставил под сомнение некоторые из основных предположений и тем самым разработал новую теорию с другим диапазоном. Ньютоновская физика всё ещё верна, поэтому нам не нужно говорить, что Ньютон был неправ. Но он не дал и никогда не мог дать нам полной картины. Поэтому те физики, которые считали тео-

рию Ньютона абсолютной истиной, на самом деле ошибались.

Я думаю, что в качестве рабочей теории мы могли бы предложить, что мы никогда не разработаем полную теорию, по крайней мере до тех пор, пока находимся во власти чёрно-белого мышления, которое работает с дуалистическими полярностями. Когда я говорю, что абсолютной истины нет, я могу смягчить это утверждение двумя способами. Один из них состоит в том, что истина существует, но мы не находимся на том уровне сознания, на котором можем её обнаружить (пещера Платона). Другая заключается в том, что абсолютная истина существует, но она не может быть выражена средствами коммуникации (языком, математикой, научными измерениями), которыми мы располагаем в настоящее время.

Собственно, этот вывод поддерживают несколько философов, в том числе и знаменитый Эммануил Кант. Он сказал, что существует реальный мир, но мы не можем познать его таким, каков он есть (мы не можем познать «вещь в себе»). Мы можем познать мир только посредством нашего восприятия, которое я назвал фильтром восприятия, созданным подсознательным эго.

Естественно, я прекрасно понимаю, что говорить, что абсолютной истины нет – всё равно что размахивать красным флагом перед быком. Я немедленно привлеку в оппозицию всех людей, которые оказались в ловушке дефицита потреб-

ностей и подавили панику, определив системы мышления, основанные на предположении, что существует абсолютная истина. Однако я и не ожидаю, что такие люди прочтут эту книгу. Я написал эту книгу не в попытке обратить таких людей, потому что я преодолел свою потребность обратить их (или кого-либо ещё). Я написал эту книгу для людей, которые похожи на меня, для людей, готовых к самоактуализации. Но мы выросли в обществе, которое не дало нам никаких инструментов для этого.

Сегодня я вижу, что, если бы я смог принять этот вывод 44 года назад, мой путь был бы намного легче, и я избежал бы многих разочарований и даже некоторых серьёзных тупиков. По моему опыту, мы получаем много преимуществ, отказываясь от идеи, что для того, чтобы реализовать себя, нам нужно найти одну и единственную истину; истину, которую ещё никто не нашёл. Я расскажу об этом позже, потому что сейчас хочу кратко описать то, что я вижу, как человеческую дилемму.

8 | Дилемма человеческого понимания

Когда я смотрю на историю, мне становится ясно, что существует прогрессия от более примитивного состояния к более сложному. Так много прогрессивных изменений произошло в промежутке между обществом каменного века и современной демократией. Я также вижу, что многие цивилизации появлялись и исчезали, и я вижу, что некоторые из этих цивилизаций считали себя самыми совершенными цивилизациями, когда-либо существовавшими на Земле (что могло быть правдой в то время), и даже, что они достигли некоторого предельного состояния совершенства. Это последнее убеждение всегда оказывалось ошибочным в результате появления более передовых цивилизаций, и мне кажется очевидным, что то же самое произойдёт и с нашей цивилизацией.

Основа всего этого прогресса в том, что мы увеличили наше понимание и осознанность. Мы увидели и осознали то, о чём предыдущие цивилизации просто не догадывались. Каков основной механизм всего этого прогресса? Это наша готовность подвергнуть сомнению то, что мы считаем известным, и принять во внимание, что может быть более глубокое

понимание, чем то, что мы имеем сейчас. Другими словами, наша текущая правда – это не окончательная истина, и то, что мы в настоящее время считаем реальным, может не быть конечной реальностью.

Ещё одна тенденция, которую я наблюдаю в истории, заключается в том, что человеческий прогресс не был плавным и непрерывным процессом. Мы видели периоды, когда определённая цивилизация веками не развивалась, и что было причиной этого застоя? Что ж, внешне это было так, что цивилизация приняла определённую систему мышления или мировоззрение, и люди полагали, что это основано на абсолютной истине. Если вы думаете, что обладаете абсолютной истиной, то, очевидно, нет смысла искать более высокое понимание. Что может быть выше абсолютной истины?

Когда я объединяю это с тем, что я сказал о нашей психологической потребности в безопасности и о том, как это побуждает нас искать одну окончательную истину, я вижу то, что могу назвать основной человеческой дилеммой. С одной стороны кажется, что у нас есть желание знать, понимать жизнь. Вот почему так много людей глубоко задумывались о жизни и придумывали ей различные объяснения, от религиозных до философских и научных. Однако наше стремление к пониманию может быть ограничено потребностью подавить панику с помощью системы мышления, утверждающей, что предлагает нам абсолютную истину. Как только мы думаем, что у нас есть такая система, мы закрываем свой

разум для всего, что находится за её пределами, и именно поэтому целая цивилизация может находиться в состоянии застоя и добиваться очень небольшого прогресса на протяжении столетий, как, например, Римская империя, Древний Китай или Европа в средние века.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.